

Смотреть, но отворачиваться

Юрий Уфимцев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Уфимцев

Смотреть, но отворачиваться

<https://litres.ru/73029150>

SelfPub; 2025

Аннотация

После долгожданной победы жизнь Марка Кошкина, восходящей звезды интеллектуальных игр, неожиданно летит под откос. Близкие друзья, враги, соперники, иностранные спецслужбы, мафиози в отставке, спортивный психолог, странная коммуна “призраков” и стая собак – судьбы всех переплетаются вокруг

парадоксального неразрешимого горя.

Содержание

Глава «От лица Марка»	6
Глава «с трогательной предысторией Бориса Венина»	14
Глава «, которую я посвящаю одному из своих любимых авторов»	17
Глава «единственная, наверное, из всех, содержащая какую-то попытку исследования. Небольшую, если так можно выразиться, историческую в какой-то степени, и в какой-то степени философскую (какое умное слово все-таки!) выкладку. Прошу не судить строго, а постараться насладиться моей попыткой»	26
Глава «о том, что бывало и будет еще много раз со всеми нами, откуда мы остаемся людьми»	42
Глава «, в которой наконец-то появляется хороший человек – Арсений, он еще сыграет свою роль в этой истории, а пока он лишь свидетель некоторых обычных для его круга общения событий»	56
Глава «эта не будет содержать визуальных образов, поскольку будет ощущаться нами как бы из ящика, если быть точнее из гроба, если быть еще точнее из гроба, в котором уже	62

лежал на момент действия этой главы усопший, дожидаясь, если можно так выразиться, своего погребения. Лежащий не мог, по понятным причинам, знать, кто разговаривает, поэтому для ясности укажу заранее, что в основном это были Борис и Соня»

Глава «с тяжелым пробуждением, рассказывающая, что такое «	71
Глава «, рассказывающая немного о Сашиних похождениях перед отъездом»	73
Глава «Борис и Соня едут к профессору»	76
Продолжение Главы «с добрым утром»	81
Глава «о Саше и не только о нем, но и о некоторых тенденциях, к которым он причастен»	83
Глава «Ярославский Вокзал»	90
Чаптер «эбаут адвенчурс»	92
Глава «с трогательной предысторией Сеппо Ярвинена»	98
Глава «о призраках, живущих среди нас, о мертвых и живых одновременно, о брошенных и бросивших, о калечивших и искалеченных»	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Юрий Уфимцев

Смотреть, но отворачиваться

В поселке, где я снял свое угловое жилище, раньше была китобойная станция, потом

каторжная колония, одно время здесь

жили русские анархисты, что я считаю

хорошим знаком...

Лена Элтанг, «Каменные Клены»

– Ваня, – сказала она. Ваня, ведь это был сон!

– Что было сон? – спросил я.

– Всё, всё – отвечала она, – всё за весь этот год. Ваня, зачем я разрушила твоё счастье?

Федор Достоевский, «Униженные и оскорблённые»

Глава «От лица Марка»

Этот момент. Я оглядываюсь на сокомандников.

Миша хватается за голову. Обескровленные пальцы жадно стягивают кожу в районе висков так, что волосы на его хаотичной прическе ходят ходуном. Его рыхлый от обострившегося акне нос весь напрягся и натянулся на хрящи и жилы, лицо медленно сменяет оскомину типа «я съел лимон» на оскомину типа «мне в супе попался разварившийся чеснок».

Пальцы действительно пугающе обескровлены, обычно небольшие красные островки остаются у ногтей и на сгибах, но сейчас даже они напоминают больше кости. Ногти потихоньку входят в мягкую височную плоть. Взгляд пустой, отрешенный. Брови давят на все что выше них и создают на его лице нечитаемую эмоцию.

Саша качается на стуле словно неваляшка, его ноги отплясывают сложный танец, иногда рассинхронизированный на несколько секунд, а потом снова сравнивающий такт между обеими конечностями. На его беспокойных, трясущихся коленках две настолько же беспокойные руки. Сейчас они заканчивают дезинтеграцию шариковой ручки. Его пальцы так эффектно расчленяют все от корпуса до пружинки, что можно подумать, будто это не здесь, а на чемпионате по скоростному разбору-сбору канцелярских предметов. Сашино лицо

не столь же активно, как остальное его тело. Лицо скорее отсутствует. Губы приоткрыты, но еле заметно шевелятся, прозвучав немые, одному ему известные звуки. В таком состоянии он похож на исступленного тибетского монаха, скользящего на краю нирваны в своей трансцендентной молитве. Взгляд при этом такой же пустой, как у Миши.

Я знаю ребят достаточно давно. Такая картина «а-ля ренессанс» происходит передо мной постоянно. Мыслительный процесс Мишани и Санька – это просто полнейший аут, особенно на таких важных мероприятиях, как сегодня. Но, также, я знаю, что они не одиноки в своем пристрастии к мыслительным спазмам. Я заметил, что большинство профессиональных Игроков пользуются физическим надругательством над своими телами или другими объектами материального мира, как довольно эффективным каналом снятия стресса в короткий период. Период, в который нас загоняет формат Игры. Сам же я, как оказалось, по природе довольно спокоен и ограничиваюсь легким поглаживанием подбородка, аристократическим жестом, выдающим неприхотливому зрителю мое внутреннее скитание по закоулкам памяти.

Я ловлю себя на мысли, что слишком много думаю о чужих кривляньях. Две недели я потратил на подготовки одной только позы, и теперь нужно сосредоточиться и сделать последний рывок.

На какое-то время закрываю глаза, потому что мне так

легче сосредоточиться. Перекрываю информационные потоки, додушиваю их до одного наиболее естественного и экологичного для меня. Обычно это помогает мне реально сконцентрироваться на ситуации и командной работе, но теперь темнота служит для меня лишь маскировкой нормальности и способом сконцентрироваться теперь уже на этой самой маскировке.

Очищенный смыканием синих от недосыпа век фон невольно выкидывает в другую умозрительную среду. Вспоминаю вечер, имевший место пару дней назад. Это была наша непринужденная тренировка. Мы перекидывались в «последний вагон». Правила просты: задается правило последовательности и тема, поочередно называются соответствующие теме объекты, кто первый не сможет вспомнить объект – проиграл. Так, например, в тот вечер разыгрывались: города в порядке возрастания меридиана, цвета в порядке возрастания номера по шкале RGB, немецкие композиторы по датам смерти и классические европейские десерты по содержанию масла (сначала растительного, потом животного и под конец суммарно). О, тогда мы были счастливы, мы с легкостью вытаскивали из головы нужные знания, жонглировали фактами, Сашина ручка могла похвастаться отличной целостностью...

Из мимолетного потока сознания меня неожиданно прерывает тишина. В нашей кабинке все замирает, мысли и слова, плотно набивавшие ее до самого верха, истончаются и

испаряются, раздается короткий сигнал, низкий голос из динамика начинает читать третью, последнюю часть вопроса. Мы все, втроем, почти синхронно записываем текст в наши брендированные блокноты. Саша пользуется стержнем. Синий корпус ручки валяется у его отплясывающих ног. Я стараюсь не торопиться. Рука каждый раз порывается дописать на одно слово больше, чем нужно. Иногда полезные вещи вроде феноменальной памяти могут играть с нами злую шутку.

Чтобы отвлечься, я смотрю по сторонам: грубый отельный ковролин, три пары ног, двенадцать ножек от стульев, брюки, чиркающие в блокнотах руки, две одинаковые толстовки, третья на мне. На каждой толстовке по рисунку шахматной доски, на которой лежит рыба, и стоит бокал с чем-то желтым, под рисунком подпись: «стукfish».

Низкий голос закончил читать вопрос. Раздался очередной звуковой сигнал. Кабинка снова утонула в мыслях. Саша и Миша закидывали идеи, куда-то в центр нашей троицы. Каждая фраза старалась заползти в уши, найти там отклик, вытянуть какую-нибудь цепочку рассуждений из перегруженного мозга. Слова выдавали кипящую в голове деятельность, мотающуюся от одного к другому, иногда абсолютно противоположному, только что указанному. Я стал ждать, когда кто-нибудь из них подойдет ближе к правильному ответу. Нельзя спешить, наше обсуждение записывается небольшим черным микрофоном, на который я сдержи-

ваюсь, чтобы не посмотреть украдкой, ведь это может быть подозрительно.

Я немногословно отбрасывал версии ребят, стимулируя их искать в нужном направлении, а взглядом продолжил замысловатый путь по кабинке, чтобы легче было не смотреть, куда не надо. Слева около меня стоял на столике небольшой планшет, через тридцать секунд я должен буду ввести в него ответ, раньше это сделать было нельзя, опять же из соображений неподозрительности, позже тоже было нельзя, я могу перенервничать и не успеть. Оставалось ровно тридцать секунд, чтобы мы нашли решение, ситуация с каждым мгновением, с каждым оброненным словом, не приближавшим нас к ответу, становилась все более напряженной, мысли все более спутанными.

Мой взгляд поднимается от планшета к стеклянной стенке кабинки. За ней виднелись остальные кабинки с другими тройками Игроков, бурно проводящих мозговые штурмы. Вокруг кабинок кресла трибун, более-менее заполненные зрителями. Среди всех кабинок я заметил одну. В ней сквозь стекло, усеянное бликами, виднеется русая коса, ровно лежащая на спине. Девушка, сидящая на такой же стуле, как и у меня, с лежащим рядом планшетом, склонилась вперед и, видимо, что-то очень бурно обсуждала. По обе стороны от яркого красного пиджака видны ее сокомандницы. Издалека плохо видно, но я представляю себе, что происходит в их кабинке. Мне приходилось несколько раз Играть

за команду Жени Полодиной. Их сугубо женская тройка играет по обыкновению спокойно, от чего мне с непривычки было не совсем уютно, не хватало какого-то драйва, задора что ли. В такой атмосфере у меня, как у искушенного Игрока, пропадает желание выгрызть ответы из вопросов, как дикий пес. Даже сейчас, пусть я внешне спокоен и держусь, будто соблазняю британскую аристократку, даже будучи таким с виду непринужденным, мне кажется, я могу почувствовать, как адреналин бьется о мои жилы, перетягивает мышцы сердца, выгоняя и загоняя кровь до самой макушки, даже сейчас я весь внутри трясусь, наполняюсь тревогой, тревога ощущается, как киста где-то возле трахеи, и даже сейчас я чувствую, как она сдавливает мне дыхательные каналы. Особенно сейчас! На последнем вопросе Финала этого года, на последнем шаге к финишной прямой, когда от Чемпионства меня отделяет несколько секунд.

В последний раз, когда я наблюдал таблицу с командами и их результатами, мы с Женей делили первое место с большим отрывом от остальных. Я наблюдал за их командой с того момента, и по моим подсчетам мы сейчас все еще идем на равных. Если это так, то последний вопрос должен все решить. Сейчас или никогда. Саша и Миша все еще по очереди выбрасывают версии, однако приблизиться к ответу им пока не удалось. Я не хотел, но, видимо, придется приложиться самому, нужно лишь сделать это максимально аккуратно.

Звуковой сигнал пререзает гробовую тишину, пропитавшую атмосферу нашей кабинки. Моя рука поднимается от планшета, я больше не могу сдерживать дрожь, пальцы перестают слушаться. Взгляд налево: точно такая же подвешенность сквозит из всех кабинок. Низкий голос зачитывает правильный ответ. Я стараюсь не радоваться раньше времени, однако услышав крики Саши и Миши решаюсь выразить что-то похожее на радость. Радость сейчас словно груз повисла на мне. Я смотрю на ребят, они улыбаются и кричат, блокноты и ручки (или их составляющие) разлетаются, бьются о стеклянные стенки, падают на ковролин и катятся дальше, либо лежат помятые. По всем кабинкам волной проходит оживление. Игровой сезон закончился прямо сейчас, в этот самый момент, и это словно освобождение. Я не разделил суетной эмоциональности, а лишь с трепетом взглянул на экран с таблицей результатов. Это должно выглядеть естественно. На таблице несколько десятков названий команд и соответствующих им чисел, глаза поднимаются на самый верх и находят там нашу команду (бывают моменты когда не совсем уверен в том, что 156 это больше чем 155, и даже иерархия выше-ниже не дает какого-то стопроцентного доказательства победы, все кажется перемешавшимся и неестественным, реальность держится только на знании, что Я – Победил, потому что это было предрешено за несколько

месяцев до этого). К горлу подступает какой-то ком. Саша и Миша начинают кричать еще сильнее, они дергают меня за плечи, обнимаются, они молчат, наверное, устали говорить за эти несколько часов обсуждений. Люди на трибунах начали активно шевелиться, вставать и спускаться к сцене, кто-то начал выходить из кабинок. Из рыхлого потока лиц снующих меж кресел трибун мой взгляд выхватывает фигуру женщины с темным пятном волос на большой голове. Нет, это не дьявол, что пришел по мою душу, но ангел, желающий вправить мне ее как следует.

Меня подзывают Мишаня и Сашок, они уже снаружи, танцуют какой-то танец, вцепившись друг в друга локтями. Странный круговорот рук и ног увлекает меня к себе...

Глава «с трогательной предысторией Бориса Венина»

Борис Венин прибыл в Архангельск с четким желанием натворить какой-нибудь Справедливости. Он шел по трапу, ощущая легкий мандраж. Волны покачивали судно, трап и Борю вместе с ним, скрывали его тревогу. Ступив на землю первый раз за долгое время, он церемониально вдохнул влажный воздух, насладился устойчивостью бетона под ступнями. Вокруг скрежетали краны, порт жил своей жизнью, и Борис, поймав эту знакомую волну, вдохновился на деяние еще сильнее.

Краткое прощание с оставшимися на судне – рука над головой, улыбки по обе стороны воды, и вот Борис уже направляется прочь от воды навстречу намерениям с чувством собственной неотвратимости. Впереди еще много приготовлений, но он не боится трудностей, они заигрывают с Борисом в его мыслях, он улыбается, собирая планы у себя в голове, выстраивает пирамиду действий, вершина которой – это акт Справедливости, провозглашенной им, как главная цель его существования, еще давно.

Ему было 6 лет, когда он впервые почувствовал свое предназначение. Боренька тогда был в детском саду. Мама и па-

па всегда учили его только хорошим вещам: быть сильным и мужественным, вести себя хорошо, помогать другим и заступаться за более слабых. Это и случилось в тот первый раз, он заступился за девчущку из своей группы, которую дразнили другие мальчишки. Ее звали Соня, и они почти всегда играли вместе. Глупенькие мальчишки любили поиздеваться над всеми, и в особенности над Соней из-за того, что у нее была какая-то болезнь, Борис плохо помнил какая именно, зато очень хорошо помнил, что его это не смущало и он очень гордился тем, что дружит с девочкой, с которой мало кто дружил. Родители его за это хвалили, родители Сони хвалили еще сильнее, а сердобольная воспитательница всегда любила их пару, потому что в силу своей малочисленности они бедокурили меньше всех. Также, он плохо помнит, как все началось в тот день, зато очень хорошо помнит, как сидит верхом на обидчике, тот лежит и плачет, в Борином кулачке натянута ткань маечки. Эта сцена запечатлена в его сознании некой фотографией, словно картина Рембрандта. Из мрака неясности высвечиваются остальные дети: мальчишки, помрачневшие, встревоженные и восхищенные неожиданной дракой, девочки, в ужасе держащие ручки у рта и вопящие, воспитательница, бегущая к ним с выставленными вперед руками, и Сонечка, стоящая неподалеку, покорно сложившая руки в трепете перед справедливостью.

Сначала его ругали, но объяснившись перед родителями,

он все же смог получить оправдание перед ними, а чуть позже и поощрение. Сонечка же на следующий день поцеловала его в красную маленькую щечку.

В общем, так все началось и продолжилось уже в школе, благо там недостатка в несправедливости нет. Боря заступался за всех, кто страдал от нападок задиры и им подобных. Когда он понял, что одного рвения недостаточно, он стал усердно заниматься. Сонечку после детского сада он больше не видел, но ему хватало положительной обратной связи от других людей, чтобы продолжать свое «хобби». Школа была его социальным раем, здесь он создал свой маленький мирок Справедливости. Передвигаясь по коридорам, он словно внушал всему окружающему его пространству дух какого-то равновесия. Выпустился Борис большим, сильным и знаменитым на всю школу.

После школы Борис оказался в реальном мире, который тоже радовал его разными возможностями установить порядок то там, то тут, однако теперь это требовало от него большого терпения и творческого подхода.

Глава «, которую я посвящаю одному из своих любимых авторов»

Ножичек был правда очень трогательным: на нем были выгравированы красивыми, расписными буквами – название этого шрифта он, естественно, знал – имена всех членов его команды, включая тренера и одного запасного игрока, которого они выгнали прямо перед Финалом. Рукоятка была из какого-то особенного дерева, Сеня говорил ему, но он забыл, и теперь в подвешенном состоянии в его памяти находились пять претендентов на роль материала рукоятки. Текстура была завораживающей, рисунок волокна извивался по поверхности рукоятки разнообразными причудливыми формами. Металлическая часть ножа была тоже крайне необычной и тоже забытого происхождения. Гарда была небольшая и выполнена в форме сердечка. Лезвие очень красиво отражало свет. Стальные изгибы вызывали нечто схожее с сексуальным напряжением, их холодная грация, застывшая в этом оружии, трогала Марка до глубины души.

Ножичек был охотничьим и вполне мог служить для убийства животных. Марк никогда не был на охоте, но мечтал, чтобы его когда-нибудь пригласили на нее те друзья, которые

ей занимались. Пока же ему оставалось только представлять, как острие, не встречая сопротивления мягких тканей, проходит внутрь жертвы. Он знал, как занимаются обработкой шкуры оленей саамы, ненцы, якуты и множество других народов, и мечтал когда-нибудь и сам отделать шкурку и подарить ее отцу, а мясо переделать в медвежий фарш и сделать самые помпезные за всю историю макароны по-флотски.

Однако случая все не представлялось, и нож употреблялся только для житейских надобностей. Часто для нарезания колбасы, не так часто для затачивания карандашей. Теперь же Марк ковырялся ножичком в большом пальце левой ноги. Вросший ноготь беспокоил его уже несколько дней, но из-за подготовки к Финалу все не было времени им заняться. Теперь же он сидел на кровати, лампа со стола была опущена и светила на его ногу, ножичек, вертящийся в его руках, периодически отражал яркий свет лампы ему в глаза.

Ножичек, так часто проникавший в оленью плоть в мечтах Марка, теперь потихоньку разрывал его собственную. Однако душевная боль от такого предательства была заглушена острой болью в большом пальце.

Боль была правда очень сильной, приходилось как-то ее сублимировать другими частями тела, отвлекать организм от одного очага напряжения другим: Марк пробовал сжимать в зубах тряпку, дергать себя за волосы, в итоге остановившись на зажатии пальца плоскогубцами. Боль грубого зажима была почти живительной, ребрышки плоскогубцев врезались в

кожу, придавливали к костям мясо под ней, и все это очень хорошо чувствовалось, настолько хорошо, что острое ножа, воткнутое под ноготь, уже почти не ощущалось.

Кожа под футболкой пропотела от ярости, с которой он выдавливал плоскогубцами эту живительную боль, и теперь липла к ткани, напитывая ее густым юношеским потом. Марк параллельно с вытиранием гноя, крови и пота с лезвия думал о необходимости похода в душ после этой операции. Так же он думал о необходимости постирать пижаму и покрывало, которые он нечаянно запачкал этой смесью. Потом он подумал, что, вероятно, Герцог Мальборо, его мудрейшее шестидесят первый и шестидесят третий премьер-министр Великобритании никогда не вырывал себе вросший ноготь из пальца, иначе добавил бы в свой список четвертую субстанцию.

Мысли тоже были крайне эффективным болеутоляющим.

А еще он знал как минимум 6 людей, которые смогли провести на себе хирургические операции, однако сейчас не смог бы вспомнить имени ни одного из них. Сейчас он мог лишь ужасаться, как эти люди просто брали и делали то, что других бы убило одним лишь видом.

Тем временем острое нащупывало тот самый край вросшего ногтя, проходя все дальше, выдавливая свежие капли крови и гноя (и пота из его сгорбившейся спины). Боль становилось сильнее, кажется, плоскогубцы уже не справлялись. Марк зажал их посильнее, и теперь чувствительность

пальца уже устрашающе начинала теряться. Чтобы поставить точку в этой импровизированной анестезии, Марк, пошарив рукой в шкафу, взял с нее сосательную конфетку, снял зубами этикетку и жадно засосал.

Он подумал, что не знает названия костей, кроме очевидных черепа, таза и других общеупотребительных, поэтому не мог сказать, какая именно кость сейчас служит разделочной доской для мяса его большого пальца левой ноги. За это знание в их команде отвечал Саша, он бы сказал. И сказал с радостью, а потом добавил бы описание каждого бугорка и ложбинки на косточке-мясницкой-доске и назвал бы всех ее белых соседей.

Конфетка была излишне ощутимо лимонная и приносила не столько спасительное удовольствие, сколько назойливое сведение лицевых мышц, каждую из которых также мог бы назвать Саша. Вдруг вспомнилась Игра. Точнее, последняя Игра. Конфетка, до этого активно гоняемая языком по всей полости рта, теперь остановилась, к горлу подступил ком. Странное, неожиданное ощущение. Конкретных мыслей не было, но какая-то общая идея тоски витала где-то рядом с этим чувством. Сердце сжималось, словно пресловутый подпоскогубцевый палец. К жуткой смеси крови, гноя и пота, кажется, очень настойчиво решили присоединиться слезы. Марк подумал, что вкупе с вечным спутником слез – соплями – обезвоживание на сегодня ему гарантировано.

Слезы подступали крайне агрессивно – чувствовалось по-

калывание под глазами. Вокруг сердца как будто что-то вертелось, и так хотелось вынуть нож из большого пальца левой ноги и вместо выковыривания вросшего ногтя заняться выковыриванием из груди этого чего-то роившегося вокруг. Марк подумал, что мы в целом редко чувствуем внутренности своего тела, иногда ощущаем один большой орган, однако сейчас он чувствовал это пятно тоски и кость большого пальца левой ноги, своего рода джекпот от мира ощущений внутренностей.

Мысли правда помогали справиться с болью. Мысли спасали. Но возвращаясь к чувствам, приходилось вновь сталкиваться с этим чем-то, что пока было решено окрестить тоской.

Первая капелька упала на лезвие ножа и покатилась по красивым, расписным буквам, оставляя влажный след на холодном лезвии. Зрелище это в белом свете лампы на фоне мясного месива пальца и белой от обескровливания кожи было просто душераздирающим. Ком подступил уже так близко, что слегка поддушивал. Роящееся вокруг сердца пятно, кажется, начало жалить, давая подозрения, что рой был пчелиный или осиный, или шершневый (если так говорят).

Проклятая конфетка вообще не помогала, нужно было придумать что-то другое. Марк снова пошарил в шкафу, судорожно роняя разного рода безделушки, пока не нащупал коробку подаренных когда-то Сеней мармеладок.

Не так он представлял себе особый момент, когда он решится открыть их, но выбора не была. Слезы норовили вырваться из уже опухших глаз, и нужна была срочная доза гормонов счастья, названия которых легко бы назвал Саша.

Вскрыв зубами упаковку, Марк трясущейся рукой высыпал часть содержимого на покрывало (его точно придется стирать). Слезы потихоньку затуманили зрение и были на финишной прямо до вылета из глаз, обстановка накалялась. Из размытой в почти прослезившихся глазах кучи Марк выцепил первую мармеладку и поднес ее к глазам.

Мармеладки были подарком Сени на его день рождения и представляли из себя одну большую шутку. Найденные в каком-то наполовину нелегальном магазинчике во дворах старого доброго Санкт-Петербурга (вот здесь уже пора было напяться), купленные у загадочно улыбающегося уроженца неопределенной азиатской страны, они представляли из себя продукт по своей сути страшной, – для любого не-жителя дальнего востока, – природы, ведь, по заверению этого дружелюбного, но хитрого азиата, желатин в них был то ли из мыши, то ли из крысы. В довершении этой шутки выполнены мармеладки были в форме мужского полового органа. По заверениям Сени тот приветливый, но лукавый китаеза (что статистически наиболее вероятно) утверждал, будто мармеладки способствуют приросту мужской энергии и, мол, посыл такой, что плодитесь как мыши и что, мол, в их стране медицину изобрели еще когда в Европе мамонтов не доби́ли

и надо просто поверить в чудесную силу этого афродизиака.

И вот перед его глазами мармеладка игриво красного цвета в форме, известной всем прошедшим пубертат мужчинам, и, в общем-то, даже если этот добродушный, но вертлявый наследник азиатской мудрости не соврал и стимулирующий эффект действительно есть, то Марку он сейчас не нужен, а надеется он на вкусовые качества волшебного мышинового желатина, который должен спасти его от тоски, уже становящейся невыносимой.

Мысли правда больше не помогали. Марк приготовился к унижительному поглощению похабных мармеладок и взял в рот. Когда он принимал подарок от друга, они условились, что поглощение им этого деликатеса останется между ними. Как минимум их форма.

Это был провал.

Неизвестно, мышиный желатин ли или другие ингредиенты этого магического творения, которые из-за иероглифов было невозможно определить, портили весь вкус. Ощущение, будто реально ешь мышь. Или хуй. Не то чтобы он когда-нибудь пробовал мышь или хуй. Марк, конечно, готовился к унижению, но не к такому.

Одно было хорошо – отвратительный вкус и какой-то глубинный стыд подавили в нем на мгновение тоску. Открытие неожиданное, но для такого адепта критического мышления крайне полезное. Уже через мгновение он активно разжевывал мармеладку, стараясь ощутить каждым вкусовым со-

сочком эту тошнотворную гадость. Нож тем временем начал снова работу над ногтем, острая боль пробила весь нерв примерно до колена. В исступлении он ковырял ноготь, натягивал кожу в поисках его конца. Размышления о грязных пальцах хихикающего азиата, накладывающего мармеладки в дешевую упаковку, пугающе удовлетворяла. Мысли снова спасали. Дикими, трясущимися руками он тянулся за новыми мармеладками, но рот уже был набит, и теперь на автомате он просто перекладывал их в карман. И без того липкие от пота руки теперь были еще в мышинном желатине. Поток летящих в карманы мармеладок было не остановить. Кончик ногтя был наконец нащупан, оставалось только его вырезать. Марку нравилось думать, как вместе с мармеладками карманы наполнялись стыдом. Таким стыдом, когда бьешь себя плетью по спине, каким-то божественным что ли стыдом, уже даже не перед собой, а перед миром за то, что тот носит на себе такого поганца. Край ногтя был спилен, плоскогубцы отпали, тяжело ударившись об пол, остатки большого пальца левой ноги полностью были одним большим куском боли. Марк улыбнулся от предвкушения обработки этого всего антисептиком. Плоскогубцы выйдут на бис.

Он схватил полотенце и побежал в душ. Холодная вода жгла кожу. Пару десятков мармеладок во рту превратились в одной большую массу, прилипавшую к зубам. Марк подумал, что обязательно надо будет помыть зубы и прополоскать рот.

Не вытираясь, он мокрый и голый теперь сидел на покрывале и обливал зажатый плоскогубцами большой палец левой ноги хлоргексидином. Вкус содержимого его рта уже перестал быть достаточно отвратительным, благо хлоргексидин справлялся отлично.

Тоска правда уже отошла. Аттракцион боли выгнал ее из сердца, вывел вместе со всеми этими выделениями, смытыми холодной водой.

Палец был обработан какой-то обезболивающей мазью и перевязан. Следующий час Марк пролежал на обволакивающем тело голом матрасе, с перебинтованным пальцем, морально готовясь встать и одеваться, периодически планируя стирку своего сложносоставного постельного белья. Он не особо вникал в эту тему с культурой сна, в которую его все больше погружал Саша, но в такие моменты, когда перекошенная автохирургическим сеансом спина, растекается в ортопедичности матраса и перестает быть ощутимой, в такие моменты снобистский скепсис к трендам отпадает.

Глава «единственная, наверное, из всех, содержащая какую-то попытку исследования. Небольшую, если так можно выразиться, историческую в какой-то степени, и в какой-то степени философскую (какое умное слово все-таки!) выкладку. Прошу не судить строго, а постараться насладиться моей попыткой»

Сонечка, какое прекрасное имя!

Немногие современные молодые люди сейчас знают о культуре форумов, между тем бывшей крайне популярной еще не так давно.

Марк по долгу игрока, входящего в десятку претендентов на Золото в этом году, по версии Ежемесячного Обозревателя, а точнее апрельской статьи с развернутой статистикой на несколько добреньких страниц наполненных цифрами, именами и сносками на результаты предыдущих годов, его, Марка, и других команд, с анализом результатов этих самых команд в предыдущих годах и результатов их игры в этом году, и в общем сводящихся к тому, что его команда имеет самый высокий коэффициент прироста среднего балла, Марк по этому самому долгу знал пять и при необходимости мог вспомнить еще с пару десятков наиболее влиятельных форумов для постсоветского и российского пространства в частности. Естественно, кроме названий он знал и обсуждаемые там вещи. Если не вдаваться в подробности, только один из пяти форумов был такой, о котором было нестыдно рассказать родителям, как ты провел тот одинокий вечер, когда они уехали к друзьям, оставив тебя наедине с компьютером.

В целом, на этом познания Марка в широкой, глубинно-человеческой культуре форумов заканчивалось. Для него, как и для всех остальных молодых людей, кто хотя бы знает о существовании такого вида социального взаимодействия, форумы остались в прошлом, как ЭЛТ-экраны. Сравнение крайне точное, ведь, например, у Марка отзвуки воспоминаний о кинескопах лежали где-то там же, вместе с легким налетом свидетельствований о существовании форумов. Они лежали в зафлёрренных и заблюренных возрастом вос-

поминаниях о походах к маме на работу, когда сидишь на большом офисном стуле с колесиками (так хочется покататься, но ноги еле достают до пола), и весь мир вокруг такой сложный и непонятный, новые помещения захватывают дух, и кажется, что за сегодня стал старше на год, приобщившись к непонятному, незнакомому процессу, но все же приобщившись. Они лежат в неожиданно всплывающих воспоминаниях о походах в библиотеки, где встречаешь столько неизведанного, какие-то новые миры, новых людей, огромные стеллажи непостигнутого и в целом из-за размеров невозможно к постижению, и пусть не зря сказано «походов», ведь тогда мир был большой и даже путешествие в соседний дом за новой книжкой было грандиозным мероприятием, на которое мама звала с каким-то трепетом. И, наконец, они будут лежать в бесконечных разговорах родственников между собой, не в шумных застольных какофонических чуть ли не перепалках, а в отдаленных от всех уголках квартиры, за стареньким столом, когда все потихоньку расходится, и настоящие диалоги проявляют себя в двух дядях или братьях, обсуждающих что-то свое, передающих друг другу какие-то дискеты и поглядывающих на тебя со смехом, думая, будто ты мало что понимаешь. Вся эта кладезь памяти окроплена редкими, зачастую вскользь полученными отрывками вида монолита коробки ЭЛТ-экрана со смешным, будто вздувшимся стеклом и упоминаний тогда еще каких-то призрачных для детского сознания форумов. Шутка ли, но они все-

гда шли рука об руку и уже стали своеобразным символом ушедшей эпохи. Теперь, при мысли о Форуме, Марк не мог себе представить, как его (тобишь Форум) посещают не через массивный короб с огромной квадратной линзой. Как-кая-то подсознательная несостыковка вызывало понимание, что форумы все еще живы, и, естественно, их теперь посещают через почти все известные способы подключения к интернету.

Между тем форумы действительно еще живут. По мнению Марка, в основном из-за своей маргинальности. В этом Новом интернете, четвертованном (либо пятертованном, подставьте нужное число) медиагигантами, форумы остаются последним достаточно жизнеспособным островком свободы самовыражения. Но только подлинного самовыражения, а не поддельного, идеи которого транслируются в медиaproстранстве этой интернет-гигантократии. Но это даже не города-государства у границ медиа-империалистов, это скорее не отмеченные ни на одной карте деревушки, столь небольшие, что незаметные, это – заброшенные шалаши в лесной глуши, случайно найденные пещеры со следами жизнедеятельности, часто даже и находящиеся на территории этих самых медиа-империалистов, ведь по-настоящему форум может жить даже не в форме сделанного на скорую руку сайта, сам эйдос форума может как бы вселяться в частички медиагигантов, порождая странные маргинализированные мутанты навроде входящих в соцсети сообществ фанатов кон-

кретного вымышленного персонажа из старого зарубежного мультсериала или группы людей, коллективно переводящих «Улисса» на ижицу, где каждый раз в день присылает по одному переведенному абзацу, или, в конце концов, ежедневно пополняющийся сборник записей с идеями для концептуальных фотографий (что, вообще, по степени хтоничности и безысходности близко к концепции черной дыры, если действительно глубоко об этом задуматься). И эта видовая черта форумов и выявляет в них настоящих дух Свободы. Свободы, естественно, во многом достигнутой за счет анонимности, но все же. Это проявление свободы, которое можно оценить, ведь феномен отдельно взятого форума выстроен лишь вокруг себя самого. Форум существует, в отличие от порождений медиагигантов, как вещь в себе и для себя. Форум, как форма замкнутого, ограниченного в функционале социального взаимодействия есть порождение людей, участников форума, только для них самих, и в этом смысле это может являться лишь продуктом чистого (позволю себе слово «некоммерческого») стремления выхода чего-то искреннего. В этом смысле характерная маргинальность, возможно, и является следствием Искренности, ведь она в последнее время будто потеряла актуальность.

Очень даже милым что ли можно назвать некоторые бесконечные рассуждения, ведущиеся порой на форумах именно из-за их искренности. Будь то разнообразные места обсуждения рецептов, шахмат или спортивных собы-

тий умиляет во всем этом именно наличие разговора между людьми. Не идет речи даже о качестве такого разговора и реальной возможности передаче информации между людьми, ведь этот процесс действительно крайне сложный, ценность несет само общение, как основа социального взаимодействия, именно настоящее общение, а не зачастую имеющая место пародия на него. И, да, общение существует, кто бы что ни говорил, и форум тому живой пример: ведь можно же передать человеку рецепт губадьи или рассказать концепцию дебюта Гроба, или, в конце концов, поделиться эмоциями по поводу победы любимой команды и выразить любовь к любимому игроку, это ведь все реально.

Однако лишь один из пяти форумов, легко вспоминаемых Марком, был таким, что не надо было на всякий случай подчищать историю посещений. Здесь кроется некий каверзный вопрос о Свободе. Ведь Искренность и маргинальность это не только попытки поделиться странными рецептами национальной кухни, это еще и редкостная чернуха. Сонечка как раз и была посетителем одного из таких форумов. Сонечка, очень милое имя, поэтому выбор такого никнейма на *таком* форуме было странным и очень бросался в глаза, ведь форум был посвящен некоторым видам преступной деятельности.

Да, были времена, когда закон в нашей стране не имел такой силы, как сейчас, и в такие времена вполне можно было встретиться с разного рода насилием на улицах городов и за их пределами. Естественно, в такой среде беззакония

и интернет чувствовал себя вольготно, позволяя себе такие немислимые для нынешних пользователей вещи, как открытое распространение запрещенных материалов: реклама веществ, казино, личные странички криминальных авторитетов с красочным описанием их деяний, а о всех возможных видах видеоконтента, который тогда можно было без труда найти за считанные минуты (часто сложность была даже не в доступе, а в скорости передачи информации по этим допотопным системам) по первому запросу, лучше вообще не думать, чтобы не портить себе сон грядущий. Да, такие времена были, но они прошли, и сейчас, хоть интернет все еще остается источником информации на любой вкус, цвет и диагноз, все же существовать таким отпетым структурам стало в разы тяжелее, на их долю выпало тяжелое бремя борьбы за существование. В целом, для них было два способа, как поступить, чтобы пережить тяжелые времена сильного закона, который словно интернет-пресс-папье довлел над этими интернет-страничками.

Первый способ заключался в том, чтобы существовать по-пиратски, под слоями сложных барьеров, базироваться на недоступных непосвященному человеку серверах, давать доступ лишь по выверенной схеме ложных адресов и кодов, в общем сделать так, чтобы товарищ-интернет-майор, не прикрыв эту лавчонку лишь потому, что он не смог до нее добраться, будучи интернет-пользователем более низкого уровня.

Второй способ можно назвать “Путем гильдии”. Он более сложен, так как порог входа в такую “гильдию” крайне высок, и в целом неочевидный, и мало кто вообще знает о существовании таких вот “гильдий”. Дело в том, что такие гильдии не пользуются заслонами из ноликов и единиц, они существуют у всех на глазах. При свете интернет-солнца продолжают промышленять эти общества своими черными делами, покрытые мраком тайны, одним лишь им известной. Существовать же им удастся за счет шифрования: под видом обыкновенных фраз в таких сообществах обсуждаются вещи, смысл которых скрыт вычурной схемой замен, перестановок и сокрытий. И шифрования в таких сообществах действительно крайне изощренные и продуманные, не зря же им удалось столь долго существовать и до сих пор не быть раскрытыми (по крайней мере многим из них), естественный отбор, если можно так сказать, привел к тому, что не разглядеть в неприметных с виду словах настоящую их суть, ведь те, в которых и можно было отыскать реальный смысл, за пару десятков лет были распознаны и уничтожены (например, история якобы блога туристического обозревателя Санкт-Петербурга, в котором под видом туристических маршрутов скрывались координаты тайников со свеженькой, оплаченной на якобы пожертвования это увлекательному блогу, четыреста двадцатой). И это действительно, бля, страшная вещь – такие форумы, ведь под видом обыкновенного со стороны обсуждения может скрываться какая-нибудь полнейшая дрянь,

от которой у обывателя бы волосы встали в жилах. Ведь даже пресловутый, накрытый фараонами, сайт с пропахшими каннабиоидами скриншотами карт чудесного города пользовался большой популярностью у несведущих добродушных туристов, которые вместе с наркоманами бродили по дворам, а потом ставили положительные реакции на комментарии вроде «люблю тебя, Петра творенье!» и даже не подозревали, что по ту сторону экрана-кабеля-экрана сидел прыщавый торч с красными глазами, под кайфом набирающий это зашифрованное дилеру сообщение, означающее, что товар получен, и нычку возле Английской набережной снова можно использовать через некоторое время.

И в общем, да, Сонечка была пользователем одного из таких форумов-гильдий. Специфика его была крайне простая и от того сложная к раскрытию: под видом обсуждений рыбалки, здесь обсуждали убийства.

Форум это носил название `fishman.ru`. В повседневном обиходе просто Фишман. Соня предполагала, что выбор такой специфики шифрования исходит изначально из сокращения понятной всем фразы «finish-man» в это самое «fishman», и что мол ради этого грациозного хода и подвернули всю шифровку под барабулек, карпов, мормышек, пескарей и всех этих прикормок, шумовок и всех этих бесконечных названий воблеров. На самом деле вряд ли она была права, но ей очень нравилось самое понятие «finishman» и особенно нравилось представлять себя носителем этого за-

вораживающего статуса.

Кажется, что шифр Фишмана был настолько удачным, что никто не мог разглядеть в Фишмане хоть что-нибудь, как это говорится, fishious. Ведь обе темы: поверхностная и глубинная были достаточно похожими – во-первых, часто происходили на природе вдалеке от цивилизации, во-вторых, предполагали какое-то звериное что ли отсутствие жалости к жертве, и в целом было крайне удобно строить замысловатые параллели между ловлей очередного линька и лишением жизни человека.

На самом деле многие Сонины согильдийцы не были преступниками, а просто общались там для интереса, чтобы потревожить свои нервишки, разбавить скучную жизнь острыми ощущениями, плюс вся эта скрытность, пришедшая вместе с сильным государством, лишь способствовала получению этих самых острых ощущений, потому что лишь прибавляла к этому всему пущую таинственность. Таким образом, они никого не убивали, но обсуждали чужие деяния в крайне пикантных подробностях, чаще всего завуалированных под описания разделывания свежепойманной кем-то рыбы.

Но Соня была не такой, и пусть никого не смущает ее милый псевдоним, вообще совпадающий с ее реальным именем, она не искала никаких острых ощущений, ведь их и так хватало в реальной жизни. Вообще, просвещённые пользователи, а не те, которые, не разобравшись, пришли обсу-

дить недавний улов, думали, что под этими милым «Соня» скрывается такой же, как и все они, обрюзгший лысоватый мужичок, получающий нездоровое удовольствие от обсуждений тяжких насильственных действий, совершенных над людьми, и игры в противоположный пол, а те же, кто по неведению пришел для обсуждения реальной рыбалки, тоже были не столь проницательны и под все тем же «Соня» определяли для себя все того же обрюзгшего лысоватого мужичка, получающего уже более социально приемлемое удовольствие от обсуждений насильственных действий совершенных над рыбами и не такой социально приемлемой игрой в противоположный пол. И в общем все они были не правы, ведь Соня была именно тем человека, которого можно представить под именем Соня, даже слишком, она была типичной Соней, какой-то клишированной что ли Соней. И при первой их встрече с Борисом его даже больше впечатлило, что она настолько честна в своем этом «Соня», чем тот факт, что она все-таки не была тем самым мужичком, которого и он в ней подсознательно идентифицировал.

Неизвестно, как она попала на этот форум, ведь в отличие от Бориса, который был достаточно взрослый, чтобы стоять у первых намеков на возникновение как всей этой гильдиево-форумной движухи, так и основания этого самого Фишмана, раньше существовавшего сначала по крайне незамысловатому адресу ubiystva_ludey_pojom.ru, а потом уже, когда расширился достаточно сильно переехавшего на чуть менее

незамысловатое ubiystva_ludey.ru, но, когда психи-садисты, измывающиеся над животными, какое-то время облюбовали форум, все-таки не ставшего принимать их в свои ряды, и становиться совсем уж безвкусным ubiystva.ru, и в общем с ним все понятно, но с Соней какая-то загадка, как она вообще нашла это местечко, ведь не могла же она в самом деле распознать в разговорах о том, как действительно нужно ловить щуку, обсуждения заметания следов после убийства женщины с низкой социальной ответственностью. И с Борисом они об этом не говорили, и как будто сама она не имеет точного представления об этой истории, пусть даже и случилась она именно с ней. Все это так же имеет какой-то таинственный привкус, как и сам Фишман.

И, естественно, это Борис первым нашел Соню, так выделяющуюся своим «Соня» среди всего это общества, смердящего фальшивым запахом рыбы, и заприметил, пусть даже и подумав о ней, как о мужичке, и заприметив, разглядел в ней такого же, как и он сам не рыбака недотепу и не любителя пощекотать нервишки тем, чего у них никогда не было, словно настоящий хищник он увидел в ней (тогда еще он думал что «в нем») точно такого же хищника, как минимум такие романтические ассоциации ему приходили в голову в моменты его прозрения насчет личности загадочного «Сони».

Он попытался завязать с ней ненавязчивый диалог в групповых обсуждениях зимней рыбалки на Можайском водохранилище, где под подсеченным судаком подразумевался

несправедливо поступивший выпускник юрфака, о найденном теле которого можно было тогда прочесть в газетах, но диалог не вышел, потому что уж слишком ненавязчиво он это делал, и вообще был странно взволнован и оттого смущенный не знал, как подступиться к общению, делал какие-то глупые попытки скрыть свой интерес к этому «Соне».

Когда неудачность попытки стала очевидна, Борис решил действовать еще изощренней – создал новый аккаунт и назвался «Лена», начал бурную ораторскую деятельность в тех же самых обсуждениях, в которых находил Соню, пытаясь привлечь ее внимание. И рыболовы-простофили вместе с простачками-позерами могли порой наблюдать странные диалоги в разнообразных разделах обсуждений Фишмана – диалоги «Сони» и «Лены» (хотя всем собравшимся и было очевидно(!!!), что это на самом деле были какие-нибудь Игорь и Андрей (впрочем на 50% надо признать они были правы)), рассуждающих на пару о том, например, на что лучше ловить «окуня», на «червя» или на «блесну» (где окунем шифровался человек, задолжавший крупную сумму, а «червем» и «блесной» – такие вещи, знание которых вредно для здорового сна).

В этот раз ему все-таки удалось заинтересовать Соню. Их долгие скрупулезные обсуждения разнообразных лещей, язей и голавлей (которые, естественно, были понятным лишь избранным описанием ситуаций подразумеваемого «улова») заходили все дальше, и они все чаще стали говорить на темы,

отличные от «рыбалки», на более личные что ли. Они обсуждали теперь всяческие истории, происходившие с ними во время «ловли», обсуждали такие вещи связанные с их делами, для которых даже у столь продуманного Фишмановского шифра не было подходящих формулировок и пришлось им даже сочинять их на ходу, а остальным кое-как догонять, на ходу вникая в тонкие переплетения смыслов их фраз. И вот в одном из таких разговоров Борис узнал, что она тоже Играла. И вот тогда все стало действительно серьезно, потому что Игра не только открыла им вторую достаточно широкую тему для обсуждений, но и возможность общаться, не прибегая к шифровке. Тогда на Фишмане и появился долгий тред об Игре, в которой даже подключились другие неравнодушные к этому спорту, но просуществовал тред не долго, так как их мягко попросили перебазироваться на другие, подходящие для этого, площадки, ведь, по заявлению администратора, здесь, на Фишмане, есть место лишь для заядлых рыбаков, любящих только рыбалку, только рыбу и только жирные уловы и умиротворяющий дух этого благородного занятия. Но Борису и Соне этого уже и не надо было, ведь они тогда планировали наконец встретиться вживую.

Хотя на самом деле форум, посвященный Игре, существовал и имел очень древние, тридцатилетние корни, ведь появился почти сразу после того, как Игра стала более-менее популярна. Форум этот существовал для свободной передачи разного рода контента, связанного с Игррой, и популя-

ризировал ее, распространяя все необходимое для проведение любых мероприятий по Игре: от вопросов, которые составляют сердце самой Игры, до технического необходимого оборудования. Но когда Игра стала настолько распространена, такой полулюбительский формат был просто не позволителен, и форум стал базисом для организации официального сайта Игры, организованного первым составом Комитета, таким образом, формализм прокрался в это бурно растущее движение. Сам форум, однако, все еще существует и, как и все ныне живущие форумы, маргинализирован до предела, там в большинстве своем обжились противники этого бюрократического самопровозглашенного Комитета, которые 99% времени заняты поношением пресловутого Комитета, и большими, ностальгическими обсуждениями былых времен, когда все было «по хардкору» (sic) и вообще трава зеленее и все в таком роде. Марк, естественно, знал о существовании некогда популярного старого форума, но насладиться ныне процветающим там инфополем не мог, потому что, зайдя в него первый и последний раз, он ужаснулся от сложности допотопного интерфейса, его привыкшие к модному в его эпоху дизайну минимализма мозги пару минут поработали и, наработав недельную норму вычислительных операций, отключились, как отключилось и его желание туда возвращаться. Вот Саша и Сеня вполне умели им пользоваться, и даже периодически посещали его в поисках чего-нибудь интересного. Форум этот назывался Игра-Вики.ру, и в обиходе,

те, кто как минимум о нем знал, называли его Игровичком. Незамысловатое и даже какой-то снисходительное наименование было известно пользователям этого самого Игровичка и обсуждалось там очень жаростно, и приводилось в пример доказательства существования теневого антиигровичкового лобби, организованного Комитетом, в которое Саша, кстати верил.

И в общем, Борис и Соня встретились вживую. И хоть оба удивились: он – тому, что она действительно Соня, а она – тому, что он вообще ни черта не Лена, оба же и не подали виду, и хорошо провели тот вечер за обсуждением, не скованным обязательствами «верхнего», официального интернета. Обсуждали, конечно, в основном «рыбалку» и Игру, но этого было достаточно.

Глава «о том, что бывало и будет еще много раз со всеми нами, покуда мы остаемся людьми»

О, слава великой силе медицины, создавшей обезболивающую мазь! Миллионы лет эволюции, истории, войн и перемирий, революций, и все – чтобы перебинтованный палец залез в кеду и при ходьбе болел достаточно незаметно, и можно было даже не хромать! Реальное величие распознается лишь в самых незаметных мелочах. Лишь Государство, в котором даже самая последняя тварь довольна жизнью, может считаться совершенным. Так думалось Марку, пока он стоял перед зеркалом и зачесывал еще слегка влажные волосы.

Он уже был надушен, одет и прилизан везде кроме головы и готовился выйти с минуты на минуту. Он был действительно на низком старте: уже обут, наушники в ушах транслируют нужный плейлист, ключ в кармане лежит под удобным углом, чтобы можно было схватить и, не раздумывая вставить в скважину, рюкзак на плечах, рубашка застегнута до верха, хоть и дома было душно.

Он отвел себе на причесывание ровно пятнадцать минут, больше позволить он себе не мог, и, когда зазвенел таймер, он тут же бросился за дверь на улицу и побежал к метро.

Они снимали квартиру с Сеней недалеко от Фонвизинской, на севере, где хватало его спортивной стипендии и Сениных карманных от бабушки, и теперь ему предстоял долгий путь на юг до Борисово, где через полтора часа было назначено свидание с Яной. И пусть Борисово было на той же салатовой ветке, что и Фонвизинская, было решительно невозможно, проехав пять станций по Люблинско-Дмитриевской, не пересечь с Трубной на Крановщиков янтарной ветки, и проехать не по жуткой салатовой, а по роскошной янтарной в этих чарующих вагонах, ведь янтарная, петляя по Москве, в итоге пролегла до того же самого юга, снова пересекаясь на станциях Борисово и Непридуманной салатовой и янтарной веток соответственно. И пеший переход, и небольшая задержка по времени, все стоило того, чтобы предпочесть эту благородную ветку любой другой, лишь бы она доставляла в пункт назначения. И все это прекрасно понимали, поэтому вместе с Марком на Трубной выходило множество людей и держали курс на Крановщиков, наполняя там и без того людные вагоны, и все же перед янтарной веткой было не устоять, даже забитый вагон, отправляющийся с Крановщиков на Национальную, был лучше пустого вагона с Трубной на Сретенский Бульвар и дальше...

Вообще легкое увлечение времени в пути даже играло на руку, можно было как следует морально подготовиться к встрече, отключить режим машины, в который он вошел на Игре, попытаться пробудить в себе какие-нибудь эмоции.

От Крановщиков поезд быстро доехал до Национальной, где была пересадка на Красные ворота, и пришлось ненадолго прерваться от вылавливания эмоций со дна разума, когда около трети вагона вышли, создав суету. Марка даже чуть не выпихнуло потоком пассажиров, выдавливающих наружу, благо его затолкал обратно поток уже других пассажиров, вбегающих внутрь. Дальше шесть станций были без пересадки, в вагоне не намечалось особого движения, и можно было отдаться поиском внутри себя человека.

Порой бывает сложно, отказавшись от чувств, снова к ним возвращаться, встречать их лицом к лицу, как давно позабытого врага. Голову тут же наполняют воспоминания разного рода отвратности. Командный психолог всегда умела объяснить ему, как усмирять эмоции, оставаться холодным, но никогда не рассказывала, как разогреть этот очаг обратно, для Игры этого было не нужно – сделать радостный вид для фото с медалью можно было и со стонущим промозглым ветром в груди. Говорят, что сценическому образу искренность даже вредна, для зрителей профессиональная ложь правдоподобней даже разрывающегося данковского сердца, если оно заливается кровью, а не краской. Игра в целом была эмоциональна опасна, так как ментальное состояние здесь намного сильнее, чем в любых других более механических видах спорта, коррелировало с твоей способностью выполнять поставленные задачи: нельзя вспомнить даже самое простое – всех Американских президентов, если ты думаешь не об

этом, а о том, как плохо ты сыграл в предыдущем раунде. Если в футболе очень важно полностью контролировать мускулы ног, здесь нужно полностью контролировать свои мысли. И из профессионального Игрока это делает просто ебаного робота.

Хотя это даже прикольно – ощущать весь мир буквально и прямо, но человеческое восприятие реальности намного сложнее, и пряча эмоциональный интеллект в тюрьму (так их учила визуализировать это психолог, нужно было выделить внутри себя эту часть, придать ей форму, дать имя, например, у Марка его звали Грустинчик, и упечь его в такую же воображаемую тюрьму), лишаешься чуть ли не девяноста процентов транслируемой окружающим информации, и львиная доля этой информации исходит от людей.

За шесть станций он почти смог вставить ключ в замок этой клетки и повернуть его. Проблема была в том, что Грустинчик, бля, не просто так назывался. Жизнь его, наверное, была тяжела, ведь именно он носил на себе всю отрицательную эмоциональную ношу Марка. В общем, выпускать его надо было крайне осторожно.

На МИСиС'е был переход на Ленинский проспект и площадь Гагарина, поэтому его снова прервали.

На самом деле это состояние механического существования было удобным для Марка, он бы с радостью находился в нем постоянно, но была Яна и с Яной нельзя было так.

И ради Яны он готов был прямо сейчас, в забитом уже

новыми людьми (ведь Янтарная ветка никогда не бывает пустой) вагоне, эти пару минут, пока поезд едет до Братской с переходом на Университет, стоять с закрытыми глазами, а внутри себя на ментальных цыпочках корпеть над этим замком, поворачивать ключ так осторожно, что капельки ментального пота капали на ментальные руки, и в открывавшийся дверной проем видеть во тьме силуэт огромной фигуры Грустинчика, слегка подзывать его, отходя в сторону на тех же ментальных цыпочках, когда он, пригибаясь, чтобы не проломить головой стену (а он может, уж поверьте), выходит из камеры на свет и, когда где-то снаружи знакомый женский голос произносит: «Станция Братская. Переход на станцию Университет Сокольнической линии», оставаться с ним наедине, пока его – не ментального, остолбеневшего и зажмурившегося, пихают во все стороны пассажиры, и, когда все тот же голос наконец говорит: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция – Школьная», а значит его уже не пихают, Марк был готов спокойно смотреть Грустинчику в глаза.

Еще три станции без пересадки. Можно было без спешки свыкаться с вновь приходящими чувствами. Ощущение схожее всем, когда отлежал руку: сначала это все как будто чужое, потом оно вроде все-таки оказывается твоим, и его наполняет какой-то оживляющий поток, а потом это все начинает болеть, и тогда понимаешь – да, это действительно мое.

Хорошо хоть Янтарная ветка так положительно влияла на

человека и смягчала все эти неприятные ощущения и местами даже их перебивала, вводя в приятное блаженство, так что не стоит верить необъективным ощущениям Марка, во многом они скомпрометированы Грустинчиком, напрямую за них отвечающим.

На Ерофеевской пересадка на Каширскую. Но к этому моменту Марк уже чувствовал себя отлично, и, лавируя между снующими телами, чуть ли не подтанцовывал в такт своим движениям.

Еще пару станций и нужно было выходить.

Но вообще, когда даешь эту свободу эмоциям, сразу теряется контроль за мыслью, роботическое Эго приходит в смятение, и с непривычки трудно бывает даже принять решение, все делается как бы на автомате, по спущенной откуда-то сверху инструкции, и немалых усилий стоило спланировать выход на нужной станции.

Марк вышел на Непридуманной за десять минут до назначенного времени. Вместе со свежим не кондиционированным воздухом он почувствовал даже какую-то легкость и с этим похорошевшим состоянием души решил провести эти десять минут с пользой – повторить парочку списков, которые для него составил тренер: вчера он справился со всеми названиями более-менее значимых эссе и статей Бодрийяра, сегодня на подходе был Дилез и Дебор, точнее Дебор и Дилез.

С Яной они не виделись уже неделю, так как после бла-

готворительного фестиваля она пропадала в больнице еще больше, а последние два дня и вовсе не списывались, и не созванивались по настоянию тренера, который организовал для них плотные предфинальные тренировки. После игры же было награждение, фотосессия, пара интервью, так что, придя вчера домой, он рухнул в постель одетый и в лежащего солдатака продрых до утра в околокоматозном состоянии, ни разу не двинувшись.

Уже завтра они вчетвером вместе с Сашей и Сеней едут в слиптрип, и там им не удастся побыть наедине, поэтому они договорились провести вместе первую половину дня, а потом вместе сходить на постфинальную вечеринку и потанцевать. На бумаге план был идеальный, возле места проведения вечеринки была кафешка, в которую они давно хотели сходить, потом можно было заскочить в ларек за выпивкой и с кокетливой задержкой опоздать, тратя время на все эти романтичные мелочи, известные только самим влюбленным.

Яна подкралась незаметно, воспользовавшись его раздумьями, зашла со спины. Марк ощутил на своих глазах теплые руки и услышал знакомый голос из-за спины:

– Угадай, кто?

И вот опять оно! Это странное чувство: он не может угадать, но он понимает. Да, это очевидно Она, но это не такое «очевидно», как, когда он знает, ведь он не знает. Однако он чувствует, и поэтому это «очевидно». Но все эти спутанные мысли лишь в какой-то мгновенной суматохе проносятся у

него в голове, и он без видимого промедления отвечает:

– Вероятно, это всего лишь теория, но все же, я попробую предположить, что это любовь всей моей жизни! Угадал?

Угадал ли он?

– Да! – Яна крикнула очень радостно, и, повернувшись, он увидел ее счастливое лицо.

Она считала, что он угадал. Но на самом деле ужасающая пустота стояла для него за каждым из этих слов. Марк перекручивал в голове эти слова: «да», «угадал», «любовь» и «моей», и пытался как бы прощупать у них пульс, найти хоть какой-то признак жизни в них, в голове от этого была страшная каша. И, когда он увидел на ней толстовку с доской, рыбой и стаканом, лишь тогда в нем что-то проклюнуло. Для такого есть специальное слово – «Ёкнуло». Именно так, подумал Марк, это ощущается.

Яна, прямо светящаяся от радости, излучающая ее словно радиоактивный изотоп Довольния (Do, скорее всего 119-ый элемент, щелочной металл, хотя щелочной в том смысле, что от него видна милая Янина щелочка между резцами), кинулась к нему на плечи, сцепив его в объятия.

Странное чувство одновременного тепла и холода, но тепло он чувствует кожей, а холод чем-то другим. Как будто тоже кожей, но не своей.

Свет был каким-то токсично ярким и бил отовсюду, постоянные спутанные звуки то тут, то там пробирались в эту и без того трещащую по швам реальность, натягивали швы

осознанности еще сильнее. И в общем все было каким-то ненастоящим. Даже Яна была такая теплая и мягкая, знакомая, но поддельная что ли.

Вот бы сейчас оказалось, что Яна за его спиной подает знак режиссеру и тот, вылезая, выстреливает в него конфетти, и все это оказывается просто шуткой, ему в лицо тыкнут микрофоном, и он растерянно почешет затылок, и все посмеются. Ведущий задаст пару вопросов, и они вместе с Яной пойдут по этому парку за ручку, весело вспоминая этот добрый розыгрыш. Вот бы...

К счастью, мечтательность вырвала из терзающей разум ситуации, и Марк смог сосредоточиться.

Вот вам небольшая инструкция, как вновь собрать реальность из осколков от самого ментально стабильного Игрока в молодежной лиге по версии статьи Ежемесячного Обзорвателя за апрель:

Кто я? Я Кошкин Марк Константинович.

Где я? Я в Москве, у Борисовских прудов.

Почему я здесь? Я пришёл сюда на свидание со своей девушкой.

Что я делаю в данный момент? Обнимаю ее

●
Что я буду делать дальше? Поцелую ее, и мы пойдем к набережной любоваться природой.

●
Ну, и кто тут в охуенном контроле? Кошкин Марк Константинович в охуенном контроле!

Кажется, он уже хапанул около шести зиверт тоски от этого огромного куса Довольния, которого все почему-то звали Яной. Но, ничего! Ситуация теперь под контролем, папочка у штурвала и твердо его держит, ему трижды наплевать на волны, какими большими они бы не были.

Яна отпустила его из крепких объятий и слегка отстранилась.

Марк вспомнил их первый поцелуй. Это было еще прошлой зимой, где-то на пятом свидании они прятались в метро от бурана и от нечего делать катались по станциям. К пятому свиданию уже рассказавшие друг другу о себе все, что позволено было знать, темы разговора иссякли, и Марк, почему-то посчитавший это привлекательным, начал перечислять ей все станции московского метро по глубине заложения. Она на самом деле не долго терпела, ее хватило только на Парк Победы и Марьину рощу. Следующей была ГЭС, но она взяла его руки и, приподнявшись на носочках, приложила губами к его губам. Марк не успел договорить, но тут поезд остановился и женский голос произнес как бы за него:

«Станция ГЭС...», пока он, ошарашенный, упоротый дофамином стоял, цепляясь за каждое нервное окончание губ и ладоней, которые тонули в ее тепле.

Эта была магия Янтарной ветки. У каждого она срывает по-своему. Марку Янтарная ветка всучила любовь на блюдечке. Кому-то она возвращает давно утерянное детство, пронося его по северным направлениям, петляющим под знакомыми каждому дворами, кому-то дарит спокойствие и умиротворение, делясь мудростью лесов южного направления. Нуждающиеся могут найти здесь деньги, но это такие мелочи по сравнению с настоящим чудом, которое Янтарная ветка может привнести в жизнь человека. Главное суметь разглядеть этот подарок в толпе таких же страждущих пассажиров.

И теперь они поцеловались снова. Под землей от Непридуманной отправлялся очередной состав, но тут, на поверхности, его не было слышно. Здесь был лишь конец поцелуя и еле слышное «чмок». И ее губы снова расплылись в улыбке.

– Это – для тебя, мой чемпион! – Яна протянула к нему коробочку, которую, оказывается, все время держала в руках. Коробочка была ярко желтая, перевязанная зеленой ленточкой с аккуратным упругим бантиком наверху, – небольшой подарок в честь победы.

– Спасибо.

Яна держала подарок в руках перед собой. Марк стоял и смотрел на него, пытаясь разумать что-то, но пока не мог по-

нять, что именно. Как будто был какой-то сакральный смысл, ускользавший через трещины в реальности, или через выбитые волнами доски его брига. Тонкие пальчики вдесятером держали коробочку с каким-то даже религиозным трепетом.

– Ты не посмотришь, что там внутри?

Он все сверлил взглядом подарок, и Яна, растерянная, посмотрела ему в глаза, и с явной грустью вся поникла, очаг в ней как бы потускнел, и она подобно всякому человеку, вкусившему плод печали, расслабилась телом, поддалась экзистенциальному ступору, высасывающему силы, ибо зачем они, и, в общем, руки ее, подчинившись общей телесной тенденции, с трепетными пальчиками, сжимающими подарок, опустились так, что до этого буравящий зеленую ленточку взгляд Марка упал теперь на рыбу, бокал и доску, неравным рисунком лежащих на груди Яны.

Тогда, снежным январским вечером, они, поцеловавшись, смотрели друг на друга несколько минут, пока поезд мчал их куда-то на север, и минуты эти были кинематографичны. По крайней мере сейчас они вспоминаются Марку именно такими. Да, клишированными, глупыми, нарочито даже романтизированными, но оттого до сладости простыми, душевными, что ли. И все это вспоминается ему теперь вопреки. Вопреки тому, что ему приносит сейчас парк, прикосновение рук, поцелуй. Тогда был промозглый январь, скукоживающий лицо, кусающий обветренные скулы, тогда, в промокшей обуви, ощущая, как теряется чувствительность всех

пальцев по очереди, даже тогда было теплее, чем под этим майским солнцем. И это он не знает, но чувствует.

Вообще, с каждым вдохом поздневесеннего воздуха, в котором отчетливо вырисовывался Янин парфюм, вновь и вновь выкидывающий его в тот январский поезд, с каждым вдохом он все меньше знал, и все больше чувствовал. Он уже не помнил, что толкнувший его мужчина, торопящийся выбежать на Национальной, чтобы перейти на Красные ворота, направил его тело вперед – прямым на Яну, а та, теперь уже сама удивившаяся, приняла это очумелое повиновение типичной для Янтарной ветки суматохе за агрессивный жест ответной любви, и, послушная не то Марку, не то страстному року этой волшебной ветки, снова прильнула к его губам, и так состоялся их второй поцелуй, который длился до самых Крановщиков и дальше, хотя там они должны были пересаживаться. Он не помнил, сколько станций тогда осталось позади, во мраке несущественности, не помнил сколько еще раз они промахивались, игнорируя заботливый голос диктора. Зато сейчас, падая в пучину воспоминаний, он так отчетливо чувствовал ее дыхание на своей переносице, мягкие щеки на своих шелушащихся скулах и хрупкость пальцев, которые он держал тогда весь вечер, не отпуская, перебирал их все время, вызывая в нервных окончаниях такую волну восторга, что его сердце – чувствовал он сейчас, словно бы и правда перенесся в тот день – чуть ли не поднималось до горла, не давая ровно дышать.

И все это он чувствовал сейчас, когда ее слова кажутся такими бутафорскими, улыбка чересчур навязчивой, а пальцы какими-то пластилиновыми сосисками. И еще этот бледный свитер, как назло.

– Да, спасибо, я открою дома, – Марк забрал коробочку и сложил ее в рюкзак.

– Ладушки, но тогда потом обязательно расскажи, понравилось ли тебе.

Яна, до этого угнетенная его молчанием, на мгновение разгорелась надеждой и посмотрела на него с очевидным ожиданием, даже можно сказать молящим выпрашиванием чего-то. Непонятно было, он знает или чувствует это выставленное на ее лице, как на витрине, ожидание, но надо было что-то делать, ведь та январская Яна, пусть и была лишь галлюцинацией, пробужденной духами, все еще держала его за руки, и теперь, вывернув все нутро наизнанку, он улыбнулся и выдал:

– Хорошо, я думаю, мне понравится.

Боже, какая же это была ложь!

Глава «, в которой наконец-то появляется хороший человек – Арсений, он еще сыграет свою роль в этой истории, а пока он лишь свидетель некоторых обычных для его круга общения событий»

Его звали Арсений, но он был смуглый, с черными, как смоль волосами, поэтому друзья стали называть его Арсэний. Сейчас же его чаще называют Сеней, однако Марк иногда использует придуманный вариант, когда хочет его поддеть.

– И в общем, они поставили эту остановку прямо там, около ебучего старого ларька, назвали ее, бля, «автопарк», и наклепили на нее табличку с маршрутами ебучих автобусов, – Сеня говорил, громко, пытался перекричать Сида Барретта, вырывающегося из динамиков, его рука с бутылкой сливового сидра жестикулировала, выражая его негодование, содержимое плескалось, билось о темное стекло и пенилось, – и, в общем, это просто абсолютно пустой лист аз, на котором

написано только то, что здесь останавливается 37ой автобус, понимаете? Там останавливается всего лишь один автобус! Если честно, я не видел, чтобы кто-то там садился или высаживался, автобусы просто останавливаются там время от времени, ждут несколько секунд и уезжают, понимаете? И теперь там стоят две эти остановки, одна с одной стороны дороги, а другая с другой, понимаете? Стоят совершенно пустые с этими огромными листами на них, листами на которых написано, что тут останавливается 37ой автобус.

Сеня, не выдержав трагизма своей речи и отхлебнув остатки сидра, поставил бутылку к остальным.

– Водителям, вроде как, надо останавливаться в любом случае, даже если остановка пуста, и никто не собирается выходить, – у Марка в руке была бутылка имперского стаута, пена светлыми жилками сочилась сквозь тьму напитка.

– Ну, слушай, то есть, если по какой-то причине никто не выйдет из дома, то автобус будет ехать абсолютно пустой по пустым улицам и все равно должен будет останавливаться на каждой остановке?

– Ты же не удивляешься, что поезда в метро делают так, я предлагаю тебе относиться к автобусам, как к подвиду метро.

– Я бы предложила рассматривать любой вид транспорта как подвид метро, а само метро, как идеальный вид транспорта, к которому мы должны стремиться.

– Что? Прямо-таки все? Даже ебаные ракеты?

– Шутишь? МКС – это самая большая кольцевая линия!

– А такси?

– Ну, такси – это что-то другое...

– Думаю стоит разделить общественный и необщественный транспорт.

– А МКС – это общественный транспорт?

– А что, космонавты – не общество?

– А такси?

– А общество таксиста, как я глубоко уверен, досадная необходимость, которую устранил технический прогресс, – Марк залпом выдул остатки пива.

Они сидели на двух мягких диванах, между которыми стоял столик. На столике хаотично, но все же подчиняясь распределению Гаусса, стояли пустые бутылки с липкими от слюней краями горлышка. Их отдаленный ото всех между собойчик располагался в углу средних размеров ангара, который раньше использовали как склад для подшипников, а теперь используют как место проведения вечеринок. Одной из таких вечеринок была вечеринка по случаю Финала года.

Их диваны стояли не параллельно друг другу, а чуть под углом, и вместе со столиком образовывали нечто похожее на букву «А», как бы иронично намекая на класс общества, собравшийся здесь. В дискуссии так или иначе принимали участие шесть человек, по счастливой случайности почти все из пятерки лучших команд турнира. Только Сеня выбивался из этого бросающегося в глаза, но как-то опускаемого в голове,

правила.

По середине дивана, который стоял подальше, сидел Марк:

– Кстати об МКС...

– Давай ебанем в «вагон» с космонавтами, на банку пива, хочу попробовать твоего темненького, или слабо? – справа напротив Марка сидел Саша и заигрывающе улыбался. Между его ног собралась небольшая горка из оторванных кусочков этикетки.

Справа от Марка на одном с ним диване сидела Женя.

– Я от этого темненького тоже не отказалась бы, ну, и эту тошнилровку тоже попробую. Взамен ставлю свой портер.

В руках Саши густо плескалось кроваво-красное томатное гозе.

– Арсэний?

– Я, пожалуй, пропущу партию, посмотрю, как вы душите друг друга.

– Как будем играть? В Алфавитном порядке, по датам рождения, или по датам полета?

– Как на счет по возрасту, в котором они полетели?

– Мммм... звучит сексуально, но тогда лучше только на наших играть.

– Что ж, на наших, так на наших.

Сеня сделал первый глоток из только что открытой бутылки. Следующие пятнадцать минут он сидел и слушал. Пинк Флойд и несколько бутылок сидра гипнотизировали. В этом

трансе мимо его сознания пролетали имена, фамилии, даты, кто-то спорил о том, можно ли считать животных в космосе настоящими советскими космонавтами. Женя сказала что-то навроде, что Марк сам виноват, дескать, не утвердил в начале четкие правила, значит нехуй сейчас припираться! Когда слышишь неизвестные тебе слова, ощущение крайне странное, будто ешь вафли без начинки, они такие пустые, будто и не ел ничего, однако ж во рту что-то было, это неоспоримый факт.

– Сеня, скажи ему! – Женя вырвала его из транслирования самому себе в своей памяти сложных сюжетов, в основном крутящихся вокруг Жениных ног и того, как они недвусмысленно направлены на Марка.

Очнувшись, Сеня огляделся. Все смотрели на него.

– Завали-ка ебальничек, Марчелло, ты тут реально не прав, понимаешь? – и сделал твердый и четкий глоток, поставив точки в споре.

Гипнотическая волна накрыла снова. Занавес реальности опустился, и разного рода картинки снова поплыли. Он пытался отмахнуться от покадрового просмотра кинофильма, состоящего из смеси прекоитальных сцен, постокоитальный сцен (почему-то самих коитальный сцен не было, возможно, сказывалось воспитание), разного рода странных шуток, от которых он периодически странно улыбался, и, почему-то, что-то про кирпичи. Одному богу известно, был ли Марк прав или не прав, по крайней мере, Сеня точно не знал, да и

ему ли судить, однако послать его нахуй – святое дело, особенно ради других.

Сквозь плотную пелену как бы накрывшую мозг, лезли пустые вафли, теперь на латыни. Казалось бы, что за тварь могла скрываться под именем *Canis Familiaris*? Еблывая фамильярная лошадь, задающая неуместные вопросы про твоё семейное положение, предлагающая свою подкову, авось принесет удачу на ближайшем свидании. Казалось бы... Однако это всего лишь видовое название собаки или что-то в этом роде... Естественно это всего лишь собачка... И все же таких ебанутеньких сучек лучше не пускать в свою жизнь...

Глава «эта не будет содержать визуальных образов, поскольку будет ощущаться нами как бы из ящика, если быть точнее из гроба, если быть еще точнее из гроба, в котором уже лежал на момент действия этой главы усопший, дожидаясь, если можно так выразиться, своего погребения. Лежащий не мог, по понятным причинам, знать, кто разговаривает, поэтому для ясности укажу заранее, что в основном это были Борис и Соня»

– Привет. – Глухие звуки мужского голоса и ботинок по гравию.

– Привет. – Глухие звуки женского голоса и каблучков по гравиию.

– Интересное место для долгожданной встречи.

– Знала, что тебе понравится.

– ...

– Как поплавал?

– Хорошо, в этот раз зима была не такая холодная, часто выходили на палубу, видели пару раз белых медведей.

– Здорово!

– Да, есть что-то у этих животных, что-то, что делает их крайне привлекательными, какая-то чистота или навроде того.

– Это правда, завораживает то, как они живут в таких нечеловеческих условиях.

– ...

*Где-то недалеко периодически раздавались звуки паркующихся машин, массивные покрышки, разворачиваясь на гравии, создавали характерный земляной шум, еле слышный мотор прекращал свой придушенный рев, на внутренних стенках гроба еще подскрёбывало небольшое эхо от последних вздохов двигателя. Небольшая пауза, после чего слышится осторожный щелчок открывающейся и закрывающейся двери. Шаги, как удары по барабану, ровные, с крутым звуковым фронтом и долгим хвостом шорохов разлетающихся под подошвой камней и песчинок. Звериное подкрадывание и рычание машины были где-то в стороне, шаги

же сначала приближались, затем отдалялись.*

– Давно прибыл?

– Позавчера вечером. Меня скинули в Архангельске. Сразу двинул в аэропорт, думал к утру уже буду здесь, в Москве, но рейс перенесли, в итоге торчал в аэропорту полдня.

– Черт, ты спал вообще?

– Спал, несколько раз по пару часов. В сумме может и наберется на то, чтобы нормально функционировать.

– Ты пропустил Финал, получается...

– Да... К сожалению, не было никаких вариантов высадиться раньше.

– ...

– Ну, ничего, может в следующем году смогу побывать.

– Будем надеяться...

– Будем.

– ...

– А ты, значит, смогла попасть?

– Да, была на всех играх Финала.

– И как тебе?

– Было интересно, напряжение до самого конца держалось.

*Раздается хруст лопат, копающих землю. По частоте ударов можно было подумать, что работало три или четыре человека. Скрежеты металлических концов лопат, вонзающихся в почву, чередовались с шумом всплеска этой самой почвы, падающей в кучу. Получалась какая-то странная ритмич-

ная мелодия:

«ВСКОП», «ПЛЮХ»,

«ВСКОП», «ВСКОП», «ПЛЮХ», «ПЛЮХ».*

– Кто победил?

– Ты еще не смотрел?

– Нет, хотел поддержать интригу и посмотреть запись.

– Тебе сказать?

– Давай, чего уж.

– Золото забрала команда Марка Кошкина.

– Стукфиш?

– Ага.

– Что ж, если мне память не изменяет, им еще в начале сезона пророчили высокие места.

– Да, они набрали очень хорошую форму в этом году и, даже несмотря на исключение одного игрока, сыграли отлично.

– А ты не за них болела?

– Нет, за другую команду.

*Вдалеке каким-то стеклянным дождем отдались звуки рюмочек. Потихоньку нарастал гул. С такого расстояния голоса слышались одинаковыми, или они действительно были сильно похожи, получался какой-то один большой, накладывающийся сам на себя монолог, прерываемые звуками небольших глотков, после которых шел очередной как бы перезвон этих крохотных стеклянных колокольчиков без язычков. *

– На самом деле я хотела поговорить про этот Финал по-

конкретнее.

– В каком смысле?

– Не знаю, я не уверена...

– В чем не уверена?

– Понимаешь, я была на вечеринке, где собирались игроки...
ки...

– И?

– В общем, мне кажется, что среди разговоров я что-то услышала...

– Что услышала?

– Мне кажется, что я слышала что-то от Марка об их победе...

– ...

– Из того, что я слышала, выходило, будто они добились победы не совсем честным способом.

– Ты хочешь сказать, они сжульничали?

– Да, из слов Марка выходило, что заранее знал ответы...

– ...

– ...

– Он кому-то это говорил?

– Какой-то странной старушке на улице, он там то ли плакал, то ли блевал, я не поняла тогда. Было темно, шумно, да и я тоже слегка выпила.

– ... что ж, я тебе верю, но это серьезное заявление.

– Понимаю, поэтому я бы предложила сначала проверить.

– Черт, если это так, это просто полнейший ужас. Пред-

ставляешь? Я ведь в жизни люблю всего две вещи – это Игру и Справедливость, и для меня это два абсолютно святейших понятия, потому что, ну, Справедливость...

– Я понимаю, для меня это все тоже очень тревожно, именно поэтому я бы хотела сначала удостовериться в правдивости этих слухов, а потом уже что-то предпринимать.

– Вопросы строго охраняются Игровым комитетом, чтобы их достать, он должен был быть с ними в сговоре. Мне кажется, сам Кошкин нам ничего не скажет, пока мы на него не надавим, а если надавим, и окажется, что он ни в чем не повинен, то мы окажемся в не самой лучшей ситуации. Получается, надо как-то попробовать разузнать через комитет. Ты предлагаешь сделать это через них?

– Да, кто-то из них точно должен быть в курсе, и начиная с них, мы можем отплатить некоторым персонам из состава Комитета за их конкретные грешки.

– Да, на самом деле у меня самого еще с тех времен, когда я Играл, сваялось пару претензий к ним.

– У меня даже есть предположение, кто может быть в курсе.

– Кто?

– ...

– Это кто-то из Комитета?

– Не совсем...

Послышался звук трения подошвы об асфальт

– Он вроде как из Комитета, но это не публичное лицо,

мне кажется, ты его не знаешь, ты играл еще до его активного вступления в дела Игры.

– Какой-то новый автор? Или теоретик-культурист?

– Он все сразу. Одна из новых фигур в мире Игры, но уже успел себя зарекомендовать, как не самый приятный человек.

– Понятно...

– Слушай, я к тому, что если даже он не причем, – голос становился все размашистей, раскатистей, и с каким-то нажимом, – то мы в любом случае сможем сделать мир лучше, припугнув этого сопляка.

– Хорошо...

– Есть еще одна проблема с ним, я не уверена, где он живет. Есть несколько предполагаемых адресов, но есть вероятность, что его ни в одном из них не окажется.

– Без проблем, ради Чистоты Игры я готов объехать хоть тысячу адресов! – голос был раздраженным, каким-то нервным и истерящим. – Боже, это же просто невысказано, мне даже тяжело представить, что такому позволило случиться! Это какое-то невысказанное событие, ведь Игра – это же всегда было место свободное от подобной Грязи... Разве может уважающий себя Игрок так осквернить свой мозг..?

– Слушай, я пересматривала ночью записи, меня не покидает ощущение, что с ним было что-то не так на игре. И это не похоже на обычный мандраж. В смысле, может быть это знак?

– У тебя осталась запись? Я бы хотел тоже посмотреть.

Общая масса голосов усилилась, она начала перетекать по пространству какой-то струей, от одного края к другому. Странная голосовая амеба пульсировала, то вытягивалась, то сужалась, где-то вибрировала и образовывала разнообразные фигуры. Только через какое-то время вся шумиха улеглась, голоса как бы вернулись на свои места, сделав цикл метаморфоз в звуковом пространстве. Когда все вернулось на круги своя, можно было снова слышать отдельные слова.

– Да... – оставшиеся в горле слова звучали покинуто и обессиленно, – не ожидал, что случай для действия подвернется так быстро, думалось мне, мы опять будем искать несколько недель что-нибудь подходящее. Я даже не успел как следует отдохнуть с рейса...

– В этот раз судьба на нашей стороне.

– И все-таки, сначала нужно узнать наверняка.

– Согласна. Но если все так, у нас будет не так много времени: несколько дней. Ты еще не думал, чем Оплачивать, если все так, как я думаю?

– Нет. Будем делать все на ходу. Есть пара стабильных вариантов, которые срабатывали до этого.

– Хорошо.

– Если у нас не так много времени, может сегодня же и нагрянем к этому профессору?

– Если дашь время, я могу быстренько навести справочки,

откуда нам лучше начать.

– Хорошо. Если удастся уже сегодня знать наверняка, можно будет завершить все это как можно быстрее.

– Присядем тогда где-нибудь?

– Давай.

*Стали слышны множественные затихающие шаги, где-то начинающие работу двигатели автомобилей, где-то затухающее шорканье лопаты по земле, вскоре треск шин по гравию. Вскоре все смолкло настолько, что можно было разделить два чуть разных по частоте и глубине дыхания, и как будто даже, шелест опускающегося дыхания в редкую траву.

– У него довольно ироничный гроб, – глухо звучащий мужской голос, – не находишь?

– В чем ты находишь иронию этого гроба? – глухо звучащий женский голос.

– Он весь такой черный и лакированный, в нем я могу очень хорошо разглядеть себя. Вижу каждый штрих своего лица: нос, рот, глаза, волосы...

– Именно себя?

– Да, и в этом есть что-то приятное.

– Я вижу в нем отражение прекрасного Мира, который мы с тобой делаем еще лучше.

Послышалась легкая улыбка, потом другая, а затем шаги куда-то в сторону тишины.

Глава «с тяжелым пробуждением, рассказывающая, что такое «

ебашиить

»

Арсений понял, что проснулся. Несколько минут до этого он просто существовал в каком-то переходном состоянии, в некоем тамбуре своего сознания. В таком состоянии мы вроде как не спим, однако, видимо, не все нейроны еще узнали об этом. И все же мы не спим и все осознаем. Вот и Сеня понял, что уже несколько секунд сморит на темно-серое лицо. Когда же сознание уплотнилось до первой не собранной извне информации, а сгенерированной им самим, в голове вспыхнул ужас, вызванный этим страшным темно-серым лицом. Взгляд был направлен вперед, чуть выше Сени. Направлен в том именно смысле, в каком бывает направлено оружие на что-то или на кого-то. Широкий лоб, решительные губы и статность, однако, придавали этому хищному взгляду даже какую-то соблазнительную опасность.

Следующее, что заметил Сеня, была столь же страшная, как взгляд красавца, боль задницы. Бедная, бедная Сенина попочка стонала от горячей боли, но не одна лишь попочка. Легко было узнать спинную боль, шейную боль. И, наконец,

левое плечо (пожалуй, самая стеснительная часть его тела) тоже решило высказать Сениному мозгу некоторые претензии на боль.

В общем, болело почти все тело.

Однако Сеню заинтересовала именно плечевая боль. Он оглянулся. Плечо лежало на руке, такой же серой и страшной, как недавно обнаруженное лицо. По всей видимости, ему она и принадлежала, этому серому и страшному лицу, эта серая и страшная рука. Этот роковой поворот и не менее роковое открытие руки начало целый каскад удивительных открытий. Оказывается, Сеню не только приобнимала страшная серая рука, он еще сидел на страшных серых коленях, тоже, раз уж мы приняли версию с принадлежностью рук, принадлежавших страшному серому лицу. Теперь оказалось, что он сидит в такой позе относительно этого страшного серого тела, в какой не сидел с самого давнего детства. В такой позе, в которой он взрослым бывал лишь будучи на месте самого этого злополучного страшного серого лица, имея удовольствия быть в компании некоторых прелестных девушек, бывших обыкновенно на месте самого Сени. Теперь же получалось, что сам Сеня находится как бы в роли девушки что ли.

Пиздец.

Глава «, рассказывающая немного о Сашиных похождениях перед отъездом»

Погода с самого утра была прекрасная. Солнце вливалось в комнату и приносило какую-то ауру счастья. Саша стоял перед своим большим зеркалом и примерял одежду. До отправления поезда было еще несколько часов, и можно было позволить себе потратить всю первую половину дня на подготовку. Рюкзак он собрал еще вчера. Спальник он выбрал и постирал еще до Финала.

На самом деле он выбрал три спальника и постирал все. Тогда еще было непонятно, каким будет этот слиптрип. Если бы они не взяли золото позавчера, в ход бы пошел синий, меланхоличный спальный мешок, который должен был в полной мере выразить его настроение по поводу случившегося. На случай их незахода даже в топ-5 команд был подготовлен серый спальник, зауженный у ног, таким образом крайне сильно смахивающий на гроб, идеально подходящий для депрессивного плаксивого окончания сезона. В серый гробовой спальник было бы очень красиво залезать, напившись до полусмерти и плакать в его серую подушечку еле слышно.

И все же сейчас рюкзак стоял упакованным с подвязан-

ным желтым (скорее горчичным) рулоном, перетянутым так сильно, что становилось больно.

Саша стоял и примерял кроссовки, думая, какие надеть в поездку. Очевидно, нужны были кожаные, ведь в Ярославле, скорее всего, будет дождь, но при этом такие, чтобы в них не было жарко в поезде.

После пятнадцати минут перебора разных пар Саша остановился на парочке новых найков, белых и лоснящихся, словно манящих взять именно их. Что-то екнуло в его сердце, еще когда он взял их в руки. Они были новыми, и случай для того, чтобы устроить им долгожданный дебют, был идеальным. Но, когда Саша уже утвердился окончательно, вдруг вспомнилось, что носки под эти кроссовки лежали в стирке, и теперь оставалось лишь три выхода из ситуации: выбрать другую пару, что было бы ударом по стилю, выбрать другую обувь, что было бы ударом по времени, и пойти без носков, что было бы мозолистым нокдауном по пяткам.

И времени, конечно, было еще много, но хотелось все же приехать заранее, с запасом, и Саша бросил раздумья, злобно закидал все раскиданные кроссовки в шкаф, схватил подготовленный рюкзак, связал с него ремешок, отодрал проглаженный три дня назад «победный» спальник и закинул его к апофеозу моды, представленному беспорядочной горой кроссовок, нашел ровненько скрученный «траурный» спальник и присобачил (именно что присобачил, а не привязал) его еще туже, чем первый, потому что какая же тут, нахуй,

победа, когда единственные подходящие носки в стирке, а уже пора выходить.

Теперь, когда все было решено, можно спокойно выходить. Саша сел на свою кровать. На дорожку. С этой чудесной кроватью придется попрощаться на несколько дней. И с бархатным постельным бельем, и с эргономичными подушками для головы, спины, ног и рук, с дышащей, свободной пижамой, с ночными ароматическими маслами, от которых он все хотел отказаться, но не мог. И когда тоска еще не вышедшего из дома человека, уже скучающего по этому самому дому, стала разительно пугающей, тогда он понял, что действительно пора выходить

Посмотрев в окно, он увидел только солнце, все остальное было лишь его еле заметным отражением, и, бросив косой отстраненный взгляд на солнечные очки, он после очередного промедления все-таки надел их, потом надел и рюкзак, и вышел.

Глава «Борис и Соня едут к профессору»

Профессор Бергман последние пару лет был председателем Комитета по контролю за сохранностью данных и по совместительству одним из главных редакторов всего, что проводится под знаменем Комитета. На посту председателя в его обязанности входило регулировать передачу всех данных: как текстов разыгрываемых вопросов, так и личных данных игроков, которые комитет собирал в обширные архивы. Сам бывший заядлый Игрок, он с любовью относился к Игре и, придя в редактуру, привнес свой собственный стиль, мнение по поводу того, как и что нужно спрашивать, главным образом по тем аспектам, которые его интересовали, например, это под его редактурой в прошлом году залетел вопрос о «Фаусте» Мурнау, который сдвинул планку необходимых киношных знаний с пятидесятых до двадцатых и, согласно статье Ежемесячного Обозревателя, произвел наибольший фурор среди вопросов того сезона, обогнав даже ту неудачную тему с половыми органами ехидны на школьном чемпионате Челябинска (которая на самом деле почти не произвела впечатление на школьников, зато родителями, сидевшими на трибунах, была встречена с ужасным гневом), и, в

общем, не только киношная сфера тогда так пострадала, а в целом все около современное искусство теперь определяется тренерами в пределах века, заставляя их придумывать новые системы и структуры для запоминания.

Профессор Бергман был неоднозначной личностью, и это касалось не только его взглядов на редактуру. Вообще, он по всей видимости не был профессором, так как никому не удалось до сих пор найти в интернете его диплом, да и нигде он не числился как профессор. Даже в Институте Проблем Социологических Исследований он числился там на какой-то странной должности, хотя и работал там, и получал вполне белую зарплату.

У Саши была теория, что профессором он назвал себя сам пару десятков лет назад. Она основывалась на найденном им древнем треде на Игровичке, где некий Prof_Evil76 рассуждал на темы крайне близкие вопросному творчеству Бергмана. Теория ярко выражено пахивала шапочками из фольги, ведь было там много скользкой аргументации, навроде того, что его мать в девичестве звали Зайцевой Лидией Олеговной, и то бишь сами понимаете к чему это он, или что Бергман как-то писал что-то про Остина Пауэрса в одном из вопросов, хотя, кто не писал про такие вещи в те бородатые годы, но главным доводом Саши был тот факт, что родился Профессор Бергман в семьдесят шестом, на что он ссылался постоянно в своих рассуждениях, но Макс и Сеня, например, вообще не обращали на это внимание, потому что в

семьдесят шестом так-то не только он родился, а еще четыре миллиона семьсот тысяч человек (да, Марк знал это число) и так-то пресловутый Prof_Evil76 мог быть и женщиной, а, как уже известно, такое реально возможно.

Плюс ко всему этому загадочному, но не подтвержденному прошлому, прибавляются его, также не подтвержденное официально, но как будто бы всем (под «всеми» имеются в виду почти все нынешние участники Игровичка, ведь там есть отдельная тема, посвященная разоблачениям Бергмана с подробными сливами его тайных махинаций по передаче данных Вестнику) очевидное неоднозначное настоящее. Профессор Бергман был как-то вплетен в медиаструктуру, освещающую Игру, и, в общем, так как он был ответственным по контролю за информацией, по всей видимости, это именно он был ответственен за слив данных, которые потом публикуются в статьях Ежемесячного вестника. И даже если он не напрямую передавал всю статистику прямо в жадные до интриг руки репортеров, то спускал это с рук тем, кто этим занимался, в общем, очевидно был повязан с существующей структурой.

И эта схема существовала без особых проблем, ведь организации, владеющие командами, поделаться с ней ничего не могли, так как с юридической точки зрения все было гладко, а Читатели Ежемесячного Вестника (так-то это были почти все, кто следил за Игрой) закрывали глаза в пользу своего интереса в том, чтобы Вестник продолжал выходить и радо-

вать их свежими сводками о любимых командах. Игрокам же, по несколько раз перечитывающим прогнозы, сводки и любые абзацы, где упоминались их имена, было понятно, что Вестник может помочь отыскать славу не только с помощью высоких результатов, и вот так, с молчаливого согласия общественности и с безоружного терпения спонсоров, существовала эта схема, где-то на вершине которой и располагался Профессор Бергман. Так думала Соня, завсегдатая Игровичка (там она, кстати, тоже была «Соня», но там, очевидно, ее не принимали за мужика-извращенца, потому что девушек-Игроков куда больше, чем девушек-рыболовов).

Свое личное подтверждение этой теории Соня высказала Борису за завтраком после похорон. Пока он ел вареники, она рассказывала ему, как будучи еще игроком попала в одну из статей, где пересказывалось их командное обсуждение, и выдавливались какие-то язвительные комментарии по поводу их стиля игры, что, дескать, с такими рассуждениями надо было оставаться в школьной лиге, а не пытаться тягаться с теми, кто по сравнению с выскочками-десятиклассниками выглядит как слон перед моськой. Вареники были с вишней и в том придорожном кафе, где они сидели, подавались с ложкой сметаны. Было понятно, что Соня затаила в себе какую-то обиду на весь этот жестокий газетный пафос, с которым бездушные журналисты нападают на слабые команды, но Борис, даже находя внутри себя мысли о ее предвзятом отношении к теории связей Профессора и Вестника, верил

ей, потому что не верить Соне было нельзя, она каким-то образом всегда была права, это было словно продолжением ее честности, с которой она заходила на Игровичок и Фишмана под своим невинным «Соня», и правота ее, в общем-то, не раз подтверждалась. Когда сметану кладут прямо в тарелку – это самое ужасное, ведь тогда она мешается с бульоном, и ее невозможно собрать с тарелки, такая бульонно-сметанная сползает с вареника, как шелковый халат с бархатной кожи молодой девушки, но удовольствия от этого отнюдь никакого не испытываешь, сидя перед тарелкой измазанной сметаной, лишь половину из которой удалось съесть. Соню было трудно представить в халате, ее одежда была всегда практичной.

И теперь они ехали по Янтарной ветке до Савенковской, а потом по кольцу и дальше на запад, в хмуром молчании предстоящего дела.

Продолжение Главы

«с добрым утром»

Воздух вокруг «Студента» начал потихоньку нагреваться, когда солнце поднималось все выше, туда, где, задрав голову, можно было увидеть другую сияющую золотом звезду – звезду МГУшного шпиля. Пора было вставать, и Сеня двинул онемевшее тело с чужих колен.

Все суставы и мышцы чуть ли не скрипели от попытки их напрячь, казалось, он сам ожившая статуя, до того деревянно он себя чувствовал. Он сполз на каменную площадку и прилег. Ровность спины была приятна даже на твердом граните. У подножья статуи нашелся его рюкзак, который теперь служил подушкой. С раскинутыми конечностями он теперь и сам стал похож на звезду, на которую смотрел, лежа внизу. Солнце тем временем нагрело одну сторону его лица, и он повернул голову, подставив ему другую. «Вполне по-христиански, епта», – подумал Сеня, глядя на бокал пива, попавший теперь в поле зрения его повернутой на бок головы. Бокал был на половину полон желтой жидкостью, он стоял где-то в трех метрах от него одиноко и несуразно. Бокал был очевидно пивным, но желтизна содержимого после такой ночи могла быть обманчива.

Сеня встал на четвереньки, кажется, он чувствовал кости и мозг так хорошо, что еле ощущал свои внешние кусочки тела. Боль движения была выворачивающей, не сказать, что его не тошнило до того, как он принял позу, но теперь опасность сблевать себе на упирающиеся в мрамор руки стала не просто блефом организма, а реальной угрозой. Он нагнулся к рюкзаку и взял его в зубы, несмотря на опасность обмарать и его, если желудок все-таки сдастся. И так он дополз эти три метра к одинокому бокалу, как волк с добычей в зубах, чувствуя каждый шаг трущимися о холодный мрамор коленями и ладонями, стонущей под тяжестью рюкзака шей, выламывающимися зубами, отсохшим языком, скребущимся о шершавую ляжку, пухшей от давления головой и спиной, уже просто восставшей против исполнения своих прямых обязанностей. Дополз и снова свалился звездой возле бокала так, что теперь стекло было прямо перед его лицом.

По запаху, точнее по его отсутствию, можно было судить, что это, скорее всего, пиво.

Глава «о Саше и не только о нем, но и о некоторых тенденциях, к которым он причастен»

Бывают иногда такие периоды в жизни, когда все надоело и хочется что-то поменять.

Бывают иногда такие периоды в жизни, когда все осточертело и хочется что-то поменять.

Бывают иногда такие периоды в жизни, когда все вокруг остопиздело и хочется что-то поменять.

Саша Скрябин был еще тогда слишком молод, чтобы отнестись к этому с философской точки зрения. Спасло его только природное отсутствие импульсивности. Саша был не из тех, кто рубит с плеча, и хотя и не такой мастодонт спокойствия, как Марк, но тоже крайне рассудительный. Условно, если бы на его месте был Сеня, четырехслойные матрасы, утяжеленные одеяла, набитые чем-то с пустынных Анд подушки бы летели из окна под трагическую музыку, летели бы в замедленном полете вниз, плавно спускаясь, словно лепестки лотоса, опадающие в дзен-буддистский прудик, опали бы и кашемировые наволочки, пододеяльники, простыни и покрывала ложились бы на мокрый асфальт, напивались бы лужами, пока Сеня бы смотрел на них из открыто-

го окна, обдуваемый мокрым Московским ветром с видом вершителя судеб. Но Саша был не такой, влагой напитались его веки, пока он, сползший в кресле полусидя-полулежа под трагическую музыку, рассматривал все свое спальное имущество, уложенное в какой-то рериховский пейзаж на кровати, такое родное, но такое наскучившее. И тогда, прослушав где-то с час грустной музыки, раздражившей в нем и без того накипевшую тоску, Саша полез в интернет искать, что сможет утешить его взывающую к обновлениям натуру.

Он был очень дружен со своими родителями, в особенности с матушкой (как он сам иронично называл ее, вкладывая помимо доброй шутки еще более доброе и ласковое отношение). И, нет, не был Саша ни маменькиным сынком, ни безвольным дитем, просто с родителями ему действительно повезло, ведь словно по какой-то чуйке они вовремя его отпустили, и поэтому бунт его прошел в раннем возрасте очень гладко, и он сразу оторвался от них, пустился в свободное плавание. Сыграла, наверное, и уже упомянутая обдуманность и еще не упомянутая образованность. Его подростковый бунт начался в дымных кухнях мелких литературных клубов, где укурившиеся подростки (штуки три или четыре, такие обычно больше не собирают) зачитывали как чужие строки, так и свои собственные, смутно отдающие поэтами, которых принято было восхвалять в том или ином клубе. Пропетлял его подростковый бунт и в не совсем безопасных компаниях, где вред для здоровья не только от постоянно-

го никотина, склонности к депрессии и сторбленной спины, были вещи куда хуже, но можно лишь со спокойной душой заключить, что и такого рода опыт пошел ему на пользу, ведь тогда он и заинтересовался анатомией и медициной в целом, и в общем эта долгая цепочка событий даже в какой-то степени и привела его в профессиональную игру (ведь заучивать он теперь умел и вполне успешно практиковал зубрежки), но это все углубления, которые не сильно важны.

Саша был единственный сын в семье, и его родители, отпустив его, сами пустились в путешествие в поисках того, что они давно потеряли, как теряют все пары, заводящие потомство. Нашли они свое счастье в сне. Как это часто бывает, модные тенденции попадают к нам с запада лишь через какое-то время, с некой культурной инерцией. И когда в каком-нибудь Нью-Йорке, Чикаго или Лос-Анджелесе открывались первые спальные салоны, чета Скрябиных лишь делала первые неуклюжие шаги в огромных ботинках по горнолыжному склону (идея мамы, маме очень шел горнолыжный костюм), когда в Берлине открылся концептуальный клуб иммерсивного сна, чета Скрябиных, разочарованная в удаленности снежных склонов от их московской квартирки, закатывала свой первый бочонок самодельного вина в подвале на даче (идея Саши, тогда еще поэтически эстетствующего), и вот, когда на Тверской открылась первая в СНГ студия авторского сна, с интригующим названием «Усыпальница», тогда уже забросившие свой небольшой

виноградник, развернутый на семи сотках дачного участка, Скрябины старшие рванули туда (идея папы, маме очень шел ночной халат). И несмотря на то, что очередь на первые сеансы в «Усыпальнице» исчислялась месяцами, им удалось раздобыть приглашение на один из дебютных ночей в этом заведении. И им понравилось.

Саша сначала относился к этому крайне скептически, он хоть и слышал о таких вещах, популярных за границей, но воспринимал их скорее как нечто далекое, не касающееся Нас, и оттого чуждое. Конечно, он был рад за родителей, которые наконец перестанут менять очередное хобби и сопутствующие ему приспособления, остановив поток вещей, проходящих через кладовку, но сам присоединяться к родителям не спешил, и на все их ярчайшие описания, как первых сеансов авторского сна, так и последующих полных блаженства маминых рассказов о «в Морфее, как под Морфином» (вот все-таки в кого он такой поэтишка) из сонных закрытых клубов в подмосковье и папиных урчащих воспоминаниях о нечеловеческом расслаблении, полученном в омолаживающих колыбелях для взрослых, на все эти описания он реагировал сдержанно и отвечал односложно.

Однако втянуться в этот «движ» ему было предначертано судьбой, постоянные нападки родителей подстегивали его попробовать, но он на каком-то глубинном уровне, не понимая даже сам, почему отказывается, все же продолжал достойно держать оборону своих консервативных ценностей.

Последней каплей в этом с горкой наполненном стакане терпения стали его медицинские интересы, и желание узнать так ли это полезно, как рассказывают коучи грез в своих блогах, повествуя о всех полезных качествах этого новомодного занятия. Одним из козырных доводов стала возможность побороть его нервные позывы разорвать что-нибудь попавшееся под руку в труху, желание, усиливавшееся с каждой игрой в профессиональной лиге – родители знали на что давить, когда уговаривали его попробовать.

И, в общем, он попробовал.

И к его превеликому неудовольствию, которое он пытался наигранно перекрыть, чтобы не разочаровать взгляды родителей, любующихся своим просыпающимся мальчиком в пуховой трехслойной пижаме, ему понравилось.

Это была какая-то около пасторальная дрема, где в широком, проветриваемом с использованием ароматических масел помещении, под аккомпанемент эмуляторов природных звуков участникам надо было насладиться сном на якобы стоге сена среди декораций то ли лачуги, то ли амбара. И, конечно, стог сена был выпарен до жуткого размягчения и собран специальным эргономичным образом под каждого участника, потому что за такие деньги, как подумалось Саше, можно было даже нанять на год лучшего тренера, и чтобы он не только им говорил, что делать, но еще и сам подчинялся их приказам. И, в общем, вся эта постановочность и фальшивость Сашу впечатлила, но в отрицательную сторо-

ну, однако поспорить с объективными (собранными специальными устройствами-датчиками на запястьях каждого из гостей) данными о качестве сна было невозможно, и уж тем более, когда, выходя на улицу после сеанса, впервые за долгое время обращаешь внимание не на рев машин, а на пение птиц и шелест листвы, и в общем как будто действительно он проникся этим пусть и фальшивым провинциальным деревенским раем.

Но эта глава не про его расплзающуюся на гипоаллергенных простынях негу. Естественно, в таком возрасте он был еще молод для всех этих элитарных заигрываний с высококлассными продуктами приятной размеренной жизни, его бушующему, словно очарованному Просперо сердцу хотелось чего-то более глубокого (как ему казалось), и в этом желании он был не одинок.

Подобных себе он нашел в другом скоплении подобных себе, на Игрковичке в ветке обсуждений, посвященной западным культурным тенденциям, было небольшое количество сообщений о контркультурных подоплеках новомодного осознанного сна. Оказалось, что на родине этого всего молодежь уже давно практикует Слиптрипы (как пояснил один из комментаторов: от англ. sleep – спать, trip – путешествие). Если вкратце (как пояснил другой комментатор), это когда едешь куда-то и спишь там, но самое главное, чтобы делать это в максимально необычном месте, чем экстравагантнее, тем круче. Там же, один из пользователей собирал людей на

первый пробный слиптрип – поездка в подмосковье с палатками на одну ночь, за основу был взят гайд англоязычного блога (см. www.WebArchive/Articles/1920320), дающий материальную и культурную подготовку к первому слиптрипу и русскоязычное приложение к нему (см. https://punk_dreams/guides), перекладывающее инструкцию зарубежного авторства на постсоветские реалии, например, приводящее список товаров, которые можно было найти в большинстве универмагов, и отечественные аналоги спортивного инвентаря. Они собрались отрядом в шесть человек и отправились открывать новые горизонты. Судя по тому, что теперь, через три с лишним года он заставил этим заниматься своих друзей, в том числе Сеню, Марка и его девушку, – и, кстати, другую его девушку(?), (иногда бывает сложно разобраться в его личной жизни) – результат той поездки можно считать удачным.

Глава «Ярославский Вокзал»

Москва. На пути к Ярославскому вокзалу. Сколько раз приходилось вот так вот ждать его, чтобы он прибежал прямо к самому отправлению поезда. Было уже без двух минут отправление, а на горизонте ни намек на наглую белобрысую голову, как обычно в своих черных очках, которая без зазрения совести говорит рядовое “Приве-е-ет, и запрыгивает в вагон с разбегу так, чтобы закрывающиеся двери шаркнули по подошве чистеньких кроссовок, и тогда проводница посмотрит на него осуждающе, но ему и невдомек будет изменить хоть что-то в следующий раз. Так было всегда, за исключением того раза, когда он... А нет, такого еще не было.

Мы с Женей терлись на входе без причины, просто ждали его с надеждой, что если стоять именно тут, то это что-то изменит. Мимо нас протискивались люди с чемоданами и сумками, полными всякого хлама, сам я имел за спиной огромный рюкзак, у Жени была какая-то спортивная сумка, заполненная наполовину, – при мысли о ней я заранее устаю выслушивать Сашино нытье о неподготовленности некоторых участников, – благо я взял для нее все необходимое.

Вот он, бежит. Огромная махина за его спиной вздымается при каждом прерывистом скачке по перрону. Проводница возле нас. Она жадно смотрит на часы и так и ждет, что

он не успеет. Двери издают пугающий звук, предвещающий триумф сотрудницы ЖД-путей, две металлические пластины начинают двигаться, и перед самым хлопком он оказывается внутри. Проводница грустно отлипла от часов и пошла по своим делам. Саша радостный спросил, чего мы тут стоим, и пригласил нас всех сесть.

Чаптер «эбаут адвенчурс»

«..хи уоз вери агрессив, хи панчед ми ин май фейс райт афтер ай тфот хи куд ду зис, со ай вас иммидеатли астоунешд, ай хэв онли уан секонд ту ду самфин бифоре ай кэч анозер панч фром хим, со ай группед ап. Ай тейк ол оф май стронгнесс ин май... ин май предп... ин май армс, невермайнд энд блокед хис секонд хит. Бат ивен зоу ай дид зис, зис хит уоз куайт астоунешд ту. Ол май бади вас лайк сам сорт оф спондж филлед вис пэин, энд ин аддишен ту зис ай стил хэв ту хэндл зе гласс оф бир. Оф корс ай стартед ту финк эбаут май луз, бат зе ферст тайм зис фот аппиаред ин май брейн ай дейстройдед ит виз май фэйф, виз фейф оф май поверс, бекоусе зер из но сач повер энивере експект зе фейф, зе фейф ин ерселф, ю ноу ват ай мин? Энивей, ай хед ту ду самфин куикли. Ай стартед ту финк эбоут зис ситуэшон. Дженерали спикинг ай вас ин сач кайнд оф щит со ай донт ноу хау ай дид зис, джаст виф сам кайнд оф хелп фром зе хэвен. Энивей ай фонд майселф он зе грасс виф уан хенд хенделинг зе гласс энд секонд хенд траинг ту стоп зис рингинг ин май майнд. Хи вас геттинг клоузер соу зе фирст уат ай дид ис кикд хим энд гет ап эз фаст эз ай кэн. Гад фенкс зет май гласс оф бир уоз клосед виф зис.. ай донт ноу хоу ту сей ит.. виф зис транслусент раббер кавер, ин анозер вей май са-

кред бир вуд би олреди спиллед э фаузенд таймс, а гес. Эни-вей а лукд эт май гласс оф бир энд имэдженед хау ай кен юз зис нот эз э эдвентедж бат эз э стронг сайд оф ми. Офкос ай кент панч хим физ зис гласс бикос зер воз э ченс зет зис гласс вуд брейк энд ай апришиэйт ит эс вэлюэбл эс май лайф, соу ай нид ту юз ит визаут хиттинг ит. Зе ансвер ту май куэши кейм ту ми со анекспетед, вен ай финк эбоут ит, ит ис мор лайк самбади пут зис фот ин май брейн, ю андерстенд ми? Энивей, ай донт ноу хау ту сей ит бат ай фоунд майселф ин сач а виерд позишен. Ай опенед зис раббер ковер а литл бит энд стартед ту дринк зис бир фром зе глас. Гад дэмн ит хэд терибл тейст бат ай хэд ту ду зис. Со ай дранк ит а литл бит энд зис гэйв ми эн адвэнтэйдж, ай джаст хэв ту файнд зе вей ту юз ит. Соу ай джампед эт хим лайк а вайлд кэт. Зе момент ай дид зис, ай ремемберед эбоут май клоусест френд хум ай сомтаймс кол а китти ор а пуси, донт шур хау ту сэй ит райт, бат пуси саунд море фанни. Невермайнд, соу а джампед эт хим, ай хэд онли ван ченс ту ду зис, а нидед зе аксес ту хис фейс, энд ин май вайл кэтс джамп ай гот ит, бикос ай грабд хис хенд вери фаст. Энд со хис фейс уоз райт ин фронт оф зе майн энд ай спит зис бир, зис авфулли тейстед бир райт ин хис айс. Ай гес хи донт експект зис кайнд оф трик фром ми, ай гес хи фот ай джаст уантед ту дринк зис голден дринк ту, хау уи сей ит, рефил май канистер, ту чардж ап энд соу, бат гад ноус зер уос ноу ченс ту дринк ит, андерстенд? Соу нау хи уос вери астоунешд, нот ми. Хи клатчед эт хис фэйс энд

стартед скриаминг лайк, каттед пиг, эс ви сей ит. Ай кейм бэк ту май дефенсив позишн ту финк эбаут нью атак. Хис легс энд хендс уоз спиннинг ин зе эир, ай гес хи хэд а вери стронг пэин ин хиз айс, бикос оф зе алкоголь ин зис бир, ай хоуп зей уил сейв хис айс, донт лет хим луз ит соу стьюпид, ин зис годдэмн форест амонг зис тол пайнс. Зис плейс из вери бьютифул бат вери стьюпид плейс ту луз вижн, хау куд ю си зис бьютифул вью визаут э вижн. Бат ай джаст лост зе ессенс. Соу хи уоз дисэйблед энд ай джаст нид ту финиш хим, энд ай дид ит виф джаст уан акьюрейт хит, эс май грандма ста-
дид ми. Бай зе вей хи алсо гейв ми сам классес оф инглиш со ай кен спик вис ю райт нау. Зис из кайнд оф айроникл, ю андерстенд? Зен, ю ноу, ви граб хим энд кэриед ту зис плейс, уэр уи кол фор эн амбьюлэнс фор хим энд ай гот сам кофи ту майселф.» Сеня сделал глоток из коричневого бумажного стаканчика с некрасивым принтом темных зерен. Пара девушек смотрели на него, не отрываясь, с широко раскрытыми глазами. Они были в теплых монотонных флисовых кофтах, одна в желтой, другая в зеленой, и таких непромокаемых походных штанах, заправленных в сапоги, которые неприятно шоркают при ходьбе. Их волосы – у одной светлые, а у другой темные – были аккуратно стянуты в хвосты. На их фоне Сеня, одетый в футболку и шорты с кедами, вся одежда была в следах его долгой дороги, в правой руке литровый бокал пива, припачканный его кровью, в правой стаканчик кофе, уже наполовину опустошенный, такой Сеня, в синяках и сса-

динах, с фингалом на левом глазу, выглядел как сверхконцентрированный образ деклассированного элемента прямо из методички органов. Они сидели среди деревьев на удачно подвернувшемся бревне, Сеня лицом к лесу, его слушательницы лицом на парковку. Там, на бетонном полотне, стояла газелька скорой помощи, в которую два фельдшера и светловолосый мужчина в красной монотонной флисовой кофте пытались загрузить каталку, на которой, размахивая руками, лежал темноволосый мужчина. Невдалеке от машины, почесывая затылок, стоял приземистый кассир с заправки, до которой они тащили того брюнета в синем флисе, всю дорогу, как и сейчас, размахивавшего руками. За этим всем крайне заинтересованно наблюдала черная дворняжка, помахивая хвостиком с белым пятном на конце.

Кажется, Сеня закинул кассиру на чай в его пластмассовую баночку с кривой надписью «на новый телефон», последние деньги из тех, что он взял с собой, но, что было поделать, кофе был очень вкусный, плюс то радушие, с которым он набирал 112, а потом смотрел на Сеню, объяснявшего оператору всю ситуацию, что мол иностранец и скорее всего без полиса, но не хотелось бы, чтобы он так потерял зрение, это радушие его тронуло. Да и телефон, скажем так, был не ахти, дозвониться вышло только с третьего раза, как раз когда доброжелательный дядька-кассир закончил с кофейником, щенячьими глазками поглядывая то на черную кипящую жидкость, то на попытки Сени управиться со ста-

рой раскладушкой.

Пока Сеня рассказывал все это девушкам, они, ошарашенные, пялились на его заплывшее синяками лицо. Вообще, когда приехала скорая, и Сеня вышел их встречать – во всеоружии – с бокалом пива в одной руки и стаканчиком кофе в другой – уставший фельдшер, вывалившийся из скорой, было подумал, что помощь нужна этому доходяге в рваной одежде и с лицом скорее синим чем белым, однако Сеня крикнул куда-то в сторону деревьев, и оттуда три человека во флисовых кофтах вынесли привязанного к бревнышку, дергающегося, как сказал им Сеня: «эс иф хи уоз станг бай би», мужчину. Фельдшера и один из мужчин принялись отвязывать раненного от дерева, а Сеня, удовлетворенный свершившимся, наконец позволил себе отойти в лесочек, чтобы, как он в итоге объяснялся, «эмпти зе бак», но ему не удалось, потому что девушки пошли вслед за ним, и, встретив их неясное выражение лиц, Сеня не нашел ничего лучше, кроме как начать излагать всю историю с самого начала, потому что не был уверен, все ли они успели разглядеть, а детали драки были важны для того, чтобы снять с себя всю вину за произошедшее, по крайней мере перед этими прекрасными дамами.

Из-за ежесекундных Сениных запинок, припоминаний слов и постоянных «ю андерстенд», которые, как подумалось Сене, и на русском-то бесили Кису, а на английском так вообще бы с ума его свели, из-за всего этого рассказ, хоть и

скудный по содержанию, по времени вышел довольно долгим. За все это время мужчина в синем флисе влез в скорую только по этот самый флис, пара барахтающихся ног все еще торчала наружу и так и норовила заехать по голове врачам либо тому, в красном флисе. Собака все еще смотрела, хвост метрономом отбивал такт невидимой музыки закадрового комичного этюда. Посетовав, Сеня сказал: «Сори лэйдис» и отправился на помощь.

Глава «с трогательной предысторией Сеппо Ярвинена»

У Сеппо Ярвинена было не самое лучшее детство, которое, вдобавок, трудно понять нам – россиянам. Он родился в Хельсинки в семье рыбака и официантки. Его отец, которого тоже звали Сеппо Ярвинен, сын такого же Сеппо Ярвинена, был погружен в свою работу – как он сам нелепо шутил, бросая долгий стыдный взгляд на сына в ожидании хоть какой-то положительной реакции, – словно рыба в воду. Это передалось ему от отца, такого же затонувшего в работе, просоленного во всех местах, которые прилично и не прилично упоминать, вымуштрованного постоянной качкой до такой степени, что по твердой земле он ходил тоже пошатываясь из стороны в сторону (зато как он себя хорошо ощущал на пересеченной местности!), в общем, такого же помешанного на ловле старикашки, всю жизнь прослужившего на море, отлавливая селедку в холодных водах северных морей. Сеппо Ярвинен средний на нажитый Сеппо Ярвиненом старшим за долгие годы усердной работы в море капиталчик переехал в Хельсинки после окончания школы, чтобы испробовать себя в большом городе, сулившем большие возможности. И судьба наградила его за эту смелость, сведя его в од-

ном кафе, приютившемся на набережной, с нынешней миссис Ярвинен. Он пришел туда и заказал набор блюд на 87.4% состоявшей из рыбы, и когда она пришла и подала ему их, он почувствовал что-то такое, что чувствуешь, когда клюет после пары часов ожидания. Ее лоснящаяся кожа с разного рода вкраплениями, пустые глаза, смотрящие слегка в разные стороны, приоткрытый рот с незаметными губами – все это показалось ему таким родным и знакомым, что он просидел в кафе весь день, дожидаясь окончания ее смены, и с удалостью простого провинциального парнишки пригласил девушку на свидание. И пусть она почти молчала всю дорогу, ему это даже понравилось, ведь он мог рассказывать и рассказывать ей о себе, о доме, об отце, о сетях, виды которых он ей перечислил в алфавитном порядке, в общем, о всем том, что помимо, конечно, ее самой трогало его простую провинциальную душу. Ее движения были по-юношески легкими, она словно плыла, а не шла, лениво передвигая ногами и смягчая тем самым потихоньку зарождавшуюся в Сеппо среднем «качающуюся» походку, которая у его отца к тому времени распространилась уже и на сидячие положения, превращая любую мебель под его белесыми от соли ягодицами в кресло-качалку, и, в общем, тогда Сеппо среднему казалось, что они идеальная пара, и, как подобает простому провинциальному парню, он сделал ей предложение уже на следующем свидании, ради которого просидел еще один день в том скромном кафе у набережной, похлебывая уху,

из подносимых будущей миссис Ярвинен мисок, и мечтая об их совместном быте. На заветный вопрос Сеппо, вставшего на одно колено перед ней, будущая миссис Ярвинен лишь еще чуть-чуть приоткрыла свой безгубый ротик, создав что-то наподобие улыбки (по крайней мере так показалось Сеппо) и не высказав явного отрицания, тут же оказалась в объятиях будущего супруга.

Сообщив отцу в письме о последних событиях, Сеппо получил ответ с благословением их будущего брака и долгим, нужным наставлением о серьезном решении и о том, что этот заплыв будет самым сложным, но при этом и самым богатым на улов в его жизни (sic). Знакомство Сеппо с будущими родителями прошло также быстро: молодожены пришли к родителям невесты в их сырую маленькую квартиру, поели щей с водорослями и мидиями, после чего Сеппо твердо сообщил пожилой паре прямо в их четыре больших круглых глаза о своих намерениях и получил в ответ булькающее кивание двух голов на двух отсутствующих шеях.

Они сыграли недорогую свадебку в Хельсинки в том же кафе, в котором и познакомились, поскольку будущей миссис Ярвинен дали там значительную скидку как сотруднице, потом съездили на медовый месяц в маленькую рыбацкую деревеньку – родину Сеппо, где Сеппо старший кормил лососем собственного улова и приготовления, и там же, в обдуваемом северными ветрами маленьком уютном домишке, который выделили молодоженам, заделали Сеппо младшего.

Родился он уже в Хельсинки, когда отец его получил должность в рыболовной компании и прикупил небольшую яхту, в которой Сеппо жил до совершеннолетия, потихоньку приобретая их семейную качающуюся походку, и приобретал он ее значительно быстрее, несмотря на все его старания ходить так же, как и его сверстники.

С отцом у Сеппо младшего были сложные отношения, но лишь от того, что он его любил, разве что не знал этого. И судьба, с присущей ей злой иронией раньше, чем его сверстникам, вызвала в нем истинные чувства, испытываемые по отношению к отцу, с помощью своего излюбленного способа: забрав объект любви.

Случилось это абсолютно неожиданно, в тот день уже три дня как жил Сеппо в своем вечно раскачивающемся доме вдвоем с матерью, которая с рассветом уходила на работу в свое неизменное кафе на набережной и возвращалась с закатом, безмолвно ужинала и ложилась спать. Сеппо, предоставленный сам себе на такой долгий срок, и думать забыл про отца, который в начале недели уехал на съезд рыболовов за границу, в Санкт-Петербург и ничего не писал, погруженный, как думал Сеппо младший, любовью всей своей жизни. Однако за такое лицемерное отношение к отцу он был наказан судьбою, когда достал из почтового ящика плавающего дома письмо с неизвестным адресом отправителя и, раскрыв ее, обнаружил телеграмму из посольства Финляндии на имя его матери, в которой довольно понятным язы-

ком извещалось о смерти Сеппо Ярвинена среднего, что его тело было найдено в Санкт-Петербурге и что следствие пока ведется, но по предварительным данным, он был насильственно умерщвлен колющим ударом в область груди, и, в общем, семья Ярвинен приглашается в Россию для опознания тела и подтверждения, что это и есть мистер Ярвинен, и все найденные при нем документы на его имя не были у него украдены и аккуратно уложены в кармашки другого, в таком случае, неопознанного человека, но перед поездкой, конечно же, нужно приехать по адресу такому-то в министерство иностранных дел Финляндии для получения, собственно, самих билетов, предварительного изучения имеющейся информации, обязательного инструктажа и ознакомления с переводчиком, который будет их сопровождать в незнакомой стране.

В голове у Сеппо крутились слова «опознание» и «подтверждение», они чередовались в его мыслях, одно сменяло другое и наоборот, Сеппо пытался цепляться за них с каждым вдохом, не веря прочитанному, он даже сначала сделал вид, что не придавал этому вообще никакого значения и пару часов по инерции провел за просмотром записей своих матчей по телеку, но на тысячной итерации цикла «опознание-подтверждение» в своей голове он все-таки вырубил ящик и, сорвав со стола телеграмму, побежал к маме в кафе, повторяя, будто мантру, эти два слова. Два слова – по слову на каждый из его молодых голубых глаз достаточно, чтобы

сдерживать скупые юношеские слезы, особенно когда влажный ветер с набережной дует в лицо, и солнце легким прикосновением греет светлую кожу, не правда ли?

Мама отреагировала на телеграмму так же, как и на все другие внешние раздражители в ее жизни, слегка приоткрыв рот, разве что чуть больше чем обычно, высказав что-то навроде грусти (по крайней мере, так показалось Сеппо младшему).

На следующий день миссис Ярвинен взяла отгул и отпросила Сеппо из школы, чтобы отправиться в министерство. Эту ночь Сеппо помнит до сих пор, самая долгая и страшная ночь в его жизни, она бросала его из одного полусонного бреда в другой, один аттракцион кошмаров сменялся другим. Сны, в которых он находит тело отца, изрубленного в куски медведем на улицах неизвестного города, перетекали в сны, где он находит тело медведя в отцовской одежде, изрубленного в куски голым отцом за съеденный улов, и, в общем, даже укачивающие волны Финского залива не убаюкивали, а лишь еще больше расшатывали больное воображение подростка, которого только и удерживают от нервного срыва два слова в телеграмме, за которые он цепляется как за соломинки.

Даже когда мужчина в костюме из министерства вынул перед ними из толстой папки подробные фотографии найденного в Санкт-Петербурге тела, в которых четко угадывались черты Сеппо среднего, и вычитал все характерные признаки,

по которым даже слепой мог узнать старика Сеппо, даже тогда Сеппо младший прослушал почти все слова того мужчины в костюме. Все, кроме фразы, которую можно перевести как: «придется все равно поехать на подтверждение», ведь здесь основополагающей мыслью была надежда, которая теперь заменила для Сеппо еду, воду и, возможно, воздух и вообще стала наркотиком, а когда человек подсаживается на иглу надежды – вштыривает в сотню раз сильнее любого порошка.

По Санкт-Петербургу Сеппо не ходил а, можно сказать, плыл, потерянный, он существовал всю дорогу от аэропорта до гостиницы и от гостиницы до больницы, где его мнения дожидалось бездыханное тело, всю дорогу Сеппо, сидя в такси, наблюдал за проносящимися мимо людьми, переулками, и в каждом человеке видел убийцу, а в каждой переулке залитое ярко-красной кровью (не его отца естественно, а того, кто был обнаружен мертвым в его одежде) место преступления, и так он и ехал, сдерживая позывы рвоты и чего-то еще очень тяжелого внутри себя, он ехал и с каждым вдохом напоминал себе, что он мужчина и должен быть сильным, уговаривал себя, молил себя, заставлял дотерпеть до экспертизы и уж там-то, взглянув в опустевшее лицо, признать в нем незнакомца и наконец вдохнуть свободно. Периодически он вглядывался в пустые, чуть разъехавшиеся глаза матери, ища в них что-нибудь, и находя в легких движениях зрачков, бегающих по чему-то слева и справа от нее, находя еле уло-

вимую толику скорби, в серых, цвета бетона, глазах матери, встречавших его все его скупое на ласку детство этой холодной безэмоциональной стеной, сейчас он готов был увидеть слезы, но их не было, как и хоть чего-то другого, да и ту толику скорби он, видимо, тоже выдумал, и, глядя поочередно в каждый из этих двух серых кружков, он все же находил что-то – это была надежда, надежда покрытая безразличностью материнского лица, высказывающая твердое убеждение в отсутствии тела ее мужа в том холодном мрачном помещении, куда их теперь вели по длинным коридорам.

Все, что помнит теперь Сеппо из того дня – это холод кожи, к которой он бросился лицом и руками, заливая одряхлевшее тело старика всем, что копилось в нем с момента получения телеграммы. Теперь он не вспомнит долгую беседу с врачами, в которой он просто машинально кивал, будучи в своем трансе, как вошел в морг с матерью, переводчиком и судмедэкспертом, как перед ними выкатили тело, накрытое большим полотном, как все внутри него сжалось будто бы в одну точку, когда врач взялся за край полотна, чтобы снять его, как он, весь натянутый еще до того, как увидеть само тело, в то самое мгновение, пока полотно, взмыв в воздух, летело на окоченевшие ноги трупа, раскрывая лицо и грудь, в то самое мгновение перед долгожданной встречей он признался себе, что все эти мысли про чужака в отцовской одежде это, как это у них говорится, полная *paska*, и уже тогда приготовился, разжал этот моральный кулак, державший

в узде все его нутро, и, конечно, он не вспомнит увиденные им тогда глаза, еле проглядывавшие сквозь словно в истоме прикрытые веки, и приоткрытый рот, не вспомнит, что в еще одно мгновенье смятения он, привыкший к приоткрытому рту и пустым глазам матери, даже принял отца за живого, но лишь на мгновенье, а потом его снова выбросило в чудовищную реальность, где перед ним лежит труп его отца, и тогда уже, окончательно прибитый прямым ударом правды в его неокрепшую голову, он упал к нему и просил, и умолял уже не себя, а его самого, не вспомнит он, и как врач остановил переводчика, пытавшегося прикоснуться к Сеппо, и настойчиво предложил им подождать снаружи, оставив его с неподвижной матерью и неподвижным отцом наедине, рыдать и бормотать что-то невнятное, потому что порой людям надо просто вывернуться наизнанку, если все их существо жаждало этого все последнее время с самого момента получения телеграммы.

Есть две ужасные вещи в мертвецах. Первая заключается в том, что они слишком похожи на живых. Встреча с ними болезненна, потому что воспоминания о еще живом человеке и вид того же человека, но уже испутившего дух, закладываются в памяти слишком близко и ассоциативно смешиваются в ужасный вихрь бесконечной скорби, мечущий наш разум то в счастье, то в печаль и обратно. Там, на груди отца, Сеппо, пусть он того и не помнит, прокручивал в голове всю свою недолгую пока еще жизнь, перебирая воспомина-

ния, связанные с отцом: первую рыбалку, проводы в первый класс, получение паспорта, радость отца от набитых морд и съеденных королев, и между каждым воспоминанием перед ним всплывало это холодное бледное лицо.

Все, что теперь помнит Сеппо – это то, как он встал изможденный, с покрасневшимися и распухшими глазами, полностью опустошенный, с болью в горле и коленях, он встал, и все, что он чувствовал тогда – это злость, злость на этих людей, этот город, тогда еще неясную злость на мать, на все, что привело его к этому моменту, поломавшему его, вытершему об него ноги и оставившему его в мире, где больше не хотелось жить.

Глава «о призраках, живущих среди нас, о мертвых и живых одновременно, о брошенных и бросивших, о калечивших и искалеченных»

«Таких как мы, призраков – много. Я сам этого не знал, пока не перестал быть призраком улиц, потому что на одной улице редко бывают два призрака, а если и случается такое, то они вряд ли будут думать о других призраках на сотнях и тысячах других таких же улиц. Призраком я тоже себя не считал до того, как меня оттуда не вытащили, лишь из реальности видишь пропасть между тем миром, где я был когда-то, и тем, в который я вернулся. На самом дне океана социума забываешь, что такое воздух, а, вспомнив, уже не понимаешь, как жил без него. Все эти романтические метафоры, конечно же, – хрень собачья, но привычные, прямые слова для описания жизни призраков слишком изъезжены и покрыты дрянным слоем ярлыков и стереотипов, словно жвачковая стена в Сиэтле, которую мне когда-то показали. В заново открывшемся для меня мире я стараюсь быть лучше, не матерюсь через слово, как Там, выдумываю такие вот краси-

вые сравнения и, в целом, стараюсь не забывать о своей полупризрачной сути, чтобы не становиться таким же безразличным прохожим, каких я видел десятки тысяч в день со своей призрачной ложи.

По завету моего спасителя я каждое утро прокручиваю в голове тот ад, который я когда-то привыкший ко всему считал домом.

Да, меня спасли. Подали руку. Одна рука среди мириад, проносющихся мимо, может излечить душу. Эта рука вытащила меня на свет, где я увидел то, что забыл так давно. Я знаю, что это было глупо со стороны руки, и мне повезло, что рука нашла именно меня. Много призраков видят такие слепящие добротой руки, но все они настолько утоплены в своих затуманивающих разум призрачных токсинах, что не хотят выходить на свет, который слепит их одеревенелую кожу и застоявшиеся конечности.

Призрака очень тяжело излечить, скорее всего даже невозможно, но они могут жить среди людей, если будут очень сильными. Хотя призраки обладают крайне высокой силой, как и любой человек, который прошел через мясорубку жизни и не умер, как любой, кто жил не человеческую жизнь, а больше даже звериную что ли, хотя они могут такое, на что обычные люди смотрели бы с ужасом, все равно они не приспособлены к обществу. Призраков надо заново учить существовать как детей с той лишь разницей, что у детей жесткий диск пустой, и туда очень легко записать что-

то, у них это делается даже на автомате, а в голове призрака стальной кувалдой вбито очень много такого, что не дает им ожить.

Я помню, как сидел босой в переходе у крановщиков, витал в полудреме, позволяющей призракам не чувствовать стелющийся по полу мороз, смотрел на свои растрескавшиеся ногти. Мне объяснили когда-то давно другие призраки, что это называется «одеться в мозоли» – когда тело покрывается толстым слоем чего-то, состоящего вперемешку из пота, грязи, безразличия и старой кожи. Призраки – не змеи, которые чуть что скидывают старую, поношенную оболочку, для призрака старая кожа становится новой перманентной одежкой. Настоящую одежду они, к слову, тоже не снимают. Такая дикость лишь вершина айсберга деградации личности. И одна из первых вещей, о которой я напоминаю себе каждое утро. Я снимаю пижаму, смываю с себя все, что скопилось за время сна, надеваю чистое, перечисляю, сколько месяцев на мне была каждая вещь, когда спаситель нашел меня. Все это скорее в противовес старой жизни, символичное и ритуальное, но крайне полезное. Очень легко скатиться к старому, если дать себе волю. Есть один верный способ, чтобы не стать призраком снова – думать. Очень просто звучащее, но крайне трудное в исполнении средство.

Повторюсь, мне повезло. Думать мне намного легче, чем остальным призракам. Когда нужно, я учу их, показываю им, как собирать мысли в единую последовательность, как не те-

рять нить рассуждений, оставаться в выбранном информационном потоке – все эти вещи мне очень знакомы, ведь я когда-то Играл. Уж не помню когда, лет эдак с двадцать назад. Играл на каком-то любительском уровне, но это дало мне что-то, без чего другим призракам тяжело Пробуждаться. Когда я Пробудился в первый раз, когда Он растормошил меня, можно сказать, привел в себя, тогда я ощутил чистоту мысли как глоток прохладной воды среди пылающих пустынных дюн. Правда мозг болел еще неделю с непривычки, но со временем я освоился. В общем, всем остальным намного тяжелее. Я это понимаю. Вернее, Он объяснил мне это. Сказал тогда, что бывшему спринтеру легче было бы встать на ноги после комы, чем тому, кто сидел на диване полжизни, так же и нам легче заставить фурычить извилины. Да, он сказал «нам», он тоже Играл, и это нас во многом сблизило. Как двух старых спринтеров, готовых обсудить, кто где бегал, какие дорожки лучше, кто какие надевал кроссовки. Он сказал, что тоже не Играл профессионально. И что почему-то почувствовал во мне эту знакомую Штуку. Так Он ее называл – Штука, не смог подобрать слово. Но мне тогда понравилось. В целом, мне тогда нравилось все, что исходило от него, выходило из его смуглых рук. Я стал искать эту Штуку в других. В других призраках, естественно. Когда Он учил меня заново жить и вдавливал мне в голову ежедневные мысли о том, кем я был, и кем бы хотел стать, в те долгие невыспавшиеся дни вместе с разбуженными воспоминания-

ми о старой допризрачной жизни он научил меня и этому хитрому умению, благодаря которому он нашел меня и мою Штуку. Я тогда пообещал ему, что тоже обязательно найду Штуку в ком-нибудь. И, действительно, нашел. Очень не сразу. Прошло несколько месяцев. Помню это был октябрь, такой промозглый и одинокий московский октябрь. Я тогда уже давно работал каким-то разнорабочим на Старокаширской. И возвращаясь в общежитие в один из дней, всматриваясь, как обычно, в каждого призрака, темным пятном выскальзывающего из общего вертикального люда, я смог разглядеть. Я думал, это будет как ореол света или пелена запаха, манящего к себе. Но это было не так красиво, как в моих мыслях, и одновременно с тем намного красивее, чем я мог бы себе представить.

Вспоминая тот день, я думаю, так ли Он меня почувствовал, меня и мою Штуку. Думаю, но боюсь спросить. Это было бы совсем пошлятиной. Наверное, Он бы сказал, что какая к черту разница как и что, главное не в этом. И, действительно, не в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.